ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

I.

11-го іюня 1825 года кончился выпускной экзаменъ 14-ти воспитанниковъ (въ томъ числѣ меня) VII выпуска благороднаго пансіона И. Царскосельскаго лицея (нынѣ Александровскій въ Петербургѣ [1]) на государственную службу: 11-ти въ военную и 3-хъ въ гражданскую. Въ тотъ же день мы, выпускные воспитанники, покинули пансіонъ (въ Софіи, гдѣ нынѣ казармы л.-гв. 4-го стрѣлковаго Императорской фамиліи баталіона) и отправились въ свои семейства въ Петербургъ. Такъ какъ родители мои предназначили меня къ службѣ генеральнаго штаба (называвшагося тогда свитой Е. И. В. по квартирмейстерской части), а для поступленія въ него мнѣ слѣдовало предварительно выдержать экзаменъ въ главномъ штабѣ Е. И. В., то для приготовленія къ нему, по выпускной программѣ училища колонновожатыхъ въ Петербургѣ, я удалился въ деревню, Новгородской губерніи, въ 18-ти верстахъ отъ с. Тосны—с. Марьино, имѣніе графини С. В. Строгановой, на второй дочери которой былъ женатъ старшій братъ мой Василій, флигель-адъютантъ и гвардіи ротмистръ, начавшій службу свою

---

[1]) См. „Благородный пансіонъ И. Царскосельскаго лицея, 1814—1829 гг.“, 1 книжка въ 8 д. листа, Спб. 1869 г. Она составлена мною и заключаетъ въ себѣ оффиціальную и неоффиціальную исторію пансіона, съ изображеніемъ внутренней жизни его и многихъ свѣдѣній о тогдашнихъ лицахъ и событіяхъ Она была издана Спб. книгопродавцемъ (нынѣ умершимъ) Кораблевымъ и и была въ продажѣ только въ его магазинѣ (нынѣ Тузова, Б. Садовая № 16). По смерти же его, нераспроданные экземпляры этой книжки принадлежатъ малолѣтнимъ наслѣдникамъ, находящимся подъ опекой. Кн. Н.-Г.

въ 1812 г. офицеромъ также квартирмейстерской части, изъ экстерновъ частнаго училища колонновожатыхъ въ Москвѣ, отставнаго генералъ-маіора Николая Николаевича Муравьева, отца извѣстныхъ Александра, Михаила, Николая, Андрея и Сергія. Тамъ, въ деревенскомъ уединеніи, я усердно и дѣятельно готовился къ экзамену съ конца іюня до конца іюля, а послѣ 15-го августа всѣ мы, 14 человѣкъ выпущенныхъ изъ пансіона, собрались въ немъ на обычный выпускной актъ, на которомъ намъ были объявлены Высочайше утвержденныя опредѣленія конференціи лицея и пансіона о выпускѣ насъ по тремъ разрядамъ и награжденіи насъ медалями. Пятеро изъ насъ (въ томъ числѣ братъ и я) были удостоены выпуска по 1-му разряду офицерами старой гвардіи и четверо—медалями: М. С. Фроловъ (умеръ въ 1879 г. генералъ-адъютантомъ, полнымъ генераломъ и сенаторомъ)—золотою, я—1-ю серебряною (двухъ золотыхъ не давали), Свѣчинъ—2-ю и Юревичъ—3-ею. Четверо были выпущены по 2-му разряду, изъ нихъ 2—въ молодую гвардію и 2—въ гражданскую службу XII классомъ, и пятеро—по 3-му разряду, изъ нихъ 4—въ армію и 1—въ гражданскую службу XIV классомъ. При этомъ намъ были выданы медали (моя сохраняется у меня до сихъ поръ) и надлежащія свидѣтельства конференціи (секретаремъ которой былъ профессоръ И. К. Кайдановъ).

Послѣ акта, мы въ послѣдній разъ простились съ нашимъ дорогимъ пансіономъ, его начальствомъ, профессорами, преподавателями, воспитателями, воспитанниками—и отправились въ Петербургъ, поступавшіе въ гражданскую службу,—для опредѣленія въ нее тотчасъ, а поступавшіе въ военную—для предварительнаго узнанія правилъ строевой службы, пѣхотной или кавалерійской, кто куда поступалъ. Но Фроловъ и я, поступавшіе въ гвардейскій генеральный штабъ, еще до того держали съ 28-го августа до 7-го сентября, въ круглой залѣ библіотеки главнаго штаба Е. И. В., экзаменъ, преимущественно изъ чистой и прикладной математики, артиллеріи, фортификаціи, тактики, а также изъ исторіи, географіи и пр., по программѣ училища колонновожатыхъ. Экзаменовали насъ штабъ- и оберъ-офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба и квартирмейстерской части (полковникъ Галяминъ, штабсъ-капитанъ Дюгамель, поручикъ Гастферъ, прапорщикъ Палицынъ и др.), всѣ, за исключеніемъ Палицына, строго, но справедливо и безъ придирокъ, Палицынъ же, напротивъ, съ большими придирками и невозможными вопросами, потому что принадлежалъ къ числу неблаговолившихъ поступленію въ квартирмейстерскую часть—посторонникъ, не изъ училища колонновожатыхъ, а изъ пажескаго корпуса, лицея

и его пансіона [1]). Такъ, напримѣръ, экзаменуя меня изъ исторіи, онъ, съ явнымъ намѣреніемъ «срѣзать» меня, задалъ мнѣ такого рода задачу: «перечислить по порядку всѣхъ королей Англіи, съ годами ихъ воцаренія и смерти»!—Никакая, самая лучшая память не могла бы разрѣшить такой задачи безъ ошибки—и я отказался отвѣчать, требуя переэкзаменовки (которая и была дана мнѣ послѣ). За то же Палицынъ былъ наказанъ 4 мѣсяца спустя: его арестовали за участіе въ заговорѣ 14-го декабря и онъ былъ исключенъ изъ гвардейскаго генеральнаго штаба, въ который не хотѣлъ допустить меня. Въ концѣ концовъ мы выдержали экзаменъ вполнѣ удовлетворительно и вмѣстѣ съ 3-мя товарищами, поступавшими въ гвардейскую пѣхоту (Юревичемъ, Врокеромъ и Ховеномъ 1-мъ) были прикомандированы для узнанія правилъ строевой пѣхотной службы, къ 2-хъ-баталіонному учебному карабинерному полку, квартировавшему въ Петровскихъ казармахъ, на Аптекарскомъ островѣ, на берегу большой Невки, въ 2-хъ корпусахъ, рядомъ съ 2-мя другими, занятыми л.-гв. гренадерскимъ полкомъ. Учебный карабинерный полкъ (тогда еще единственный; позже, ихъ было 4) имѣлъ назначеніе образовать унтеръ-офицеровъ и ефрейторовъ для пѣхотныхъ полковъ арміи и состоялъ подъ начальствомъ полковника Петра Ѳедоровича Вейнарна, бывшаго адъютанта главнокомандовавшаго 1-й арміей, генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли (впослѣдствіи онъ былъ начальникомъ штаба гвардейскаго корпуса и умеръ въ званіи генералъ-адъютанта и дежурнаго генерала главнаго штаба Е. И. В.). Насъ назначили во 2-й баталіонъ подполковника Бабикова (въ 1831 г. онъ былъ, въ царствѣ Польскомъ, полковникомъ и командиромъ Астраханскаго гренадерскаго полка, отличившагося въ сраженіи при Остроленкѣ), въ роту капитана Курлова, и дали намъ въ учители молодаго, статнаго, ловкаго и бойкаго унтеръ-офицера Аренсватова. Эти 3 лица были завзятые фрунтовики тогдашняго времени, въ своемъ родѣ сущіе артисты вымравки, маршировки, ружейныхъ пріемовъ и всѣхъ родовъ строевыхъ ученій, отъ наименьшихъ до наибольшихъ, со всѣми тогдашними хитростями и тонкостями ихъ. Аренсватовъ, подъ руководствомъ Курлова и наблюденіемъ Бабикова, усердно и дѣятельно училъ насъ, а мы точно также учились у него—всей тогдашней

[1]) Изъ нихъ прежде всѣхъ поступили въ гвардейскій генеральный штабъ: изъ лицея въ 1817 г. воспитанникъ 1-го выпуска (вмѣстѣ съ Пушкинымъ) Вальховскій, съ золотою медалью, снискавшій себѣ такую прекрасную извѣстность своею отличною службой на Кавказѣ, а въ 1821 г. изъ камеръ-пажей пажескаго корпуса—К. В. Чевкинъ и Трескинъ. Кн. Н. Г.

«фрунтовой премудрости», начиная съ азбуки—выправки, стойки, маршировки учебнымъ шагомъ въ 3 пріема и ружейныхъ пріемовъ. Пройдя этотъ первоначальный курсъ, мы перешли постепенно къ взводному, ротному и наконецъ баталіонному 6-ти рядным ученьямъ, командуя подъ конецъ за офицеровъ (для чего при пансіонскихъ мундирахъ носили шпаги). Такимъ образомъ мы учились весь сентябрь и весь октябрь, ежедневно, кромѣ воскресныхъ и праздничныхъ дней, цѣлое утро. Наконецъ, пройдя полный курсъ строеваго пѣхотнаго ученья, мы были представлены на смотръ полковаго командира Веймарна, испытаны во всемъ, до баталіоннаго ученія включительно, выдержали испытаніе съ полнымъ успѣхомъ и были удостоены, согласно съ тѣмъ, представленіемъ по начальству въ гвардейскій штабъ и главный штабъ Е. И. В.

Въ тоже время 7 товарищей нашихъ, поступавшихъ въ кавалерію (въ томъ числѣ братъ мой—въ гвардейскую конную артиллерію) прошли точно такой же учебный курсъ въ л.-гв. конномъ полку и, по выдержаніи испытанія, тоже были представлены по начальству.

Послѣ того мы уже начали обмундировываться и экипировываться, въ чаяніи производства въ ноябрѣ въ офицеры. Но, увы! надеждамъ и нетерпѣливымъ ожиданіямъ нашимъ не суждено было исполниться такъ-то скоро... Только 14-го ноября былъ подписанъ всеподданнѣйшій докладъ главнаго штаба Е. И. В. о производствѣ насъ въ офицеры и посланъ съ срочнымъ фельдъегеремъ въ Таганрогъ, гдѣ тогда находился императоръ Александръ Павловичъ, уже опасно больной. При всей скорости тогдашней фельдъегерской ѣзды, въ ту пору года, по тогдашнимъ грунтовымъ дорогамъ (даже шоссе между Петербургомъ и Москвою было построено и открыто только на нѣсколько станцій отъ каждой столицы, а на остальномъ пространствѣ еще строилось), фельдъегерь, везшій докладъ о насъ, прибылъ въ Таганрогъ уже послѣ 19-го ноября, дня кончины государя. И вмѣсто радостной для насъ вѣсти о нашемъ производствѣ, 27-го ноября пришла горестная вѣсть о кончинѣ государя, принесена присяга новому императору Константину Павловичу и послѣдовала, въ продолженіи цѣлыхъ двухъ недѣль 1-й половины декабря, пересылка и переписка между великими князьями: Константиномъ Павловичемъ въ Варшавѣ, о его отреченіи отъ престола, и Николаемъ Павловичемъ въ Петербургѣ, о признаніи перваго императоромъ и принесеніи уже ему присяги. Въ эти двѣ слишкомъ недѣли, разумѣется, до нашего производства въ офицеры никому уже не было и не могло быть дѣла. Но, наконецъ, всѣ недоумѣнія кончились

и на 14-е декабря было назначено торжественное провозглашеніе вступленія на престолъ императора Николая Павловича и принесенія ему присяги—и въ насъ возродились надежды на производство вслѣдъ затѣмъ... Но не тутъ-то было: надежды эти снова не сбылись...

II.

14-го декабря, въ 12-мъ часу дня (когда всѣ уже съѣзжались въ Зимній дворецъ къ выходу), я и братъ мой Александръ находились у жены старшаго брата нашего Василія, въ домѣ графини Строгановой, у Полицейскаго моста, какъ вдругъ мы узнали, что «гвардія бунтуетъ, не хочетъ присягать императору Николаю Павловичу и собирается на Сенатской площади». Услыхавъ это, братъ мой, я и пріятель нашъ, колонновожатый Рочфортъ, (мать котораго была воспитательницей дочерей графини Строгановой, а старшій братъ полковникомъ квартирмейстерской части), подстрекаемые любопытствомъ посмотрѣть на «бунтъ гвардіи», недолго думавши, накинули на себя шинели—и маршъ на Адмиралтейскую площадь. Но на углу Невскаго проспекта мы разлучились: братъ и Рочфортъ пошли на Адмиралтейскій бульваръ и на верхнюю галлерею Адмиралтейскаго шпица, смотрѣть оттуда на происходившее на всѣхъ трехъ площадяхъ, а я, увидавъ множество народа у главныхъ воротъ Зимняго дворца, пошелъ туда. Я прибылъ въ то самое время, когда императоръ Николай Павловичъ, верхомъ на лошади, объявлялъ народу объ отреченіи въ его пользу великаго князя Константина Павловича отъ престола и о вступленіи своемъ на престолъ. Стоя въ заднихъ рядахъ народной толпы, неистово кричавшей ура! и бросавшей шапки вверхъ, я не могъ разслушать словъ государя, а между тѣмъ, сзади насъ изъ Большой Милліонной вышелъ 1-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка и построился въ колонну, фронтомъ къ Сенатской площади, а правымъ флангомъ къ Зимнему дворцу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь Александровская колонна. Государь, сопровождаемый народомъ (а за народомъ и я), направился въ головѣ колонны Преображенскаго баталіона, говорилъ ему—что?—я не могъ разслушать, и приказалъ зарядить ружья. Въ это самое время (какъ я узналъ уже послѣ) къ государю подошелъ с.-петербургскій военный генералъ-губернаторъ графъ Милорадовичъ, въ полной парадной формѣ, въ Андреевской лентѣ, прямо съ Сенатской площади, гдѣ тщетно старался образумить бунтовщиковъ, но они (не солдаты, а заговорщики) силой принудили его удалиться, грозя, что иначе въ него будутъ стрѣлять. Подойдя къ государю, Милорадовичъ, въ сильномъ волненіи, сказалъ ему по французски (онъ очень любилъ говорить на этомъ языкѣ, хотя го-

ворилъ съ ошибками): «Sire! quand on a traité de la sorte un homme comme moi, il ne reste»... Государь не далъ ему договорить и строгимъ тономъ сказалъ: «графъ! вы — военный генералъ-губернаторъ столицы и сами должны знать, что вамъ слѣдуетъ дѣлать; идите туда (указывая на Сенатскую площадь), возьмите конную гвардію и распорядитесь какъ слѣдуетъ». — Милорадовичъ почтительно поклонился, приложивъ руку къ шляпѣ, и пошелъ къ конно-гвардейскому манежу, сопровождаемый только однимъ адъютантомъ своимъ А. П. Башуцкимъ (сыномъ с.-петербургскаго коменданта). Отъ этого послѣдняго я и узналъ впослѣдствіи какъ эти подробности, такъ и послѣдующія, касавшіяся Милорадовича, до самой его смерти, и разскажу ихъ въ своемъ мѣстѣ ниже.

Государь же направился къ углу Невскаго проспекта, сопровождаемый народомъ (а за народомъ и я) и Преображенскимъ баталіономъ. Тутъ я увидалъ, что на углу Невскаго проспекта къ государю подошелъ неизвѣстный мнѣ, высокаго роста, съ воинственной осанкой, длинными черными усами и черною повязкою поперегъ лба, офицеръ въ мундирѣ съ малиновымъ воротникомъ (послѣ я узналъ, что то былъ Нижегородскаго драгунскаго полка капитанъ Якубовичъ, раненый въ голову на Кавказѣ и принадлежавшій къ числу главныхъ заговорщиковъ). Что говорилъ ему государь, я не могъ слышать, но видѣлъ, что вслѣдъ затѣмъ этотъ офицеръ пошелъ на Сенатскую площадь (послѣ я узналъ, что государь поручилъ ему, по собственному его вызову, образумить мятежниковъ, но Якубовичъ, вмѣсто того, будто бы сказалъ имъ: «держись—трусятъ»).

Послѣ того государь, сопровождаемый народомъ, поѣхалъ къ лѣвому углу Адмиралтейскаго бульвара. Между этимъ угломъ и заборомъ строившагося Исаакіевскаго собора, выдвинутымъ далеко впередъ на одну линію съ бульваромъ, былъ небольшой промежутокъ, въ нѣсколько саженей. Прямо противъ этого промежутка, фронтомъ къ нему, примѣрно въ 100—150 шагахъ, стоялъ передній фасъ каре мятежниковъ (солдатъ л.-гв. московскаго и гренадерскаго полковъ, гвардейскаго экипажа и др.), правый флангъ котораго приходился, такимъ образомъ, противъ зданія Сената, возлѣ гауптвахты, лѣвый— возлѣ памятника Петра Великаго, а задній — противъ угла Сената и набережной. Въ это время, съ Вознесенскаго проспекта, Гороховой улицы и Невскаго проспекта уже вступали на Адмиралтейскую площадь полки гвардіи, приходившіе изъ-за Мойки и Фонтанки; 1-й баталіонъ л.-гв. Преображенскаго полка перешелъ съ Дворцовой площади также на Адмиралтейскую, л.-гв. конный полкъ собирался у своего манежа, а на Исаакіевскій мостъ двигались зарѣчные полки,

л.-гв. Финляндскій въ головѣ. Такимъ образомъ вся гвардія постепенно занимала всѣ улицы, примыкавшія къ Сенатской площади, окружая и стѣсняя болѣе и болѣе мятежниковъ на этой послѣдней. Государь, уже окруженный большою военною свитой, верхомъ на лошадяхъ, остановился близъ лѣваго угла Адмиралтейскаго бульвара; сопровождавшій же его народъ (а за нимъ и я) двинулся по бульвару до угла и потомъ на право къ набережной и на Сенатскую площадь къ каре мятежниковъ. Нужно сказать, что на половину длины лѣваго фаса бульвара былъ нагроможденъ гранитный и булыжный матеріалъ для Исаакіевскаго собора, съ небольшими промежутками, и только отъ угла бульвара было свободное пространство, незанятое этимъ матеріаломъ. Изъ этого видно, что Сенатская площадь была крайне стѣснена, съ одной стороны—заборомъ, а съ другой—каменнымъ матеріаломъ, и стѣсненное ими и окружаемое войсками, каре мятежниковъ находилось почти въ безвыходной западнѣ. Но въ то время всѣ эти мысли не приходили мнѣ въ голову: я ничего не зналъ, ничего не понималъ, и только увлекаемый любопытствомъ, шелъ за народомъ къ каре мятежниковъ и наконецъ успѣлъ подойти къ лѣвому углу его. Но еще прежде того, двигаясь за народомъ по бульвару, я видѣлъ, какъ вдоль его по Адмиралтейской площади ѣхалъ изъ Зимняго дворца петербургскій митрополитъ Серафимъ, въ полномъ облаченіи, съ крестомъ въ рукахъ, въ дышловыхъ саняхъ на парѣ лошадей, съ иподіакономъ, въ облаченіи же, на запяткахъ—на Сенатскую площадь, уговаривать мятежниковъ (въ чемъ однако не имѣлъ успѣха и тѣмъ же порядкомъ воротился назадъ). Когда я подошелъ къ лѣвому углу каре, то увидалъ слѣдующую картину: солдаты передняго и лѣваго фасовъ, въ мундирахъ, бѣлыхъ панталонахъ, крагахъ, киверахъ съ высокими волосяными султанами, грѣлись (день былъ морозный и пасмурный), переминаясь съ ноги на ногу, подпрыгивая и колотя рука объ руку, словно въ ожиданіи смотра или парада. Вдоль передняго фаса ходилъ какой-то неизвѣстный мнѣ адъютантъ, въ мундирѣ и шляпѣ (едва-ли не Александръ Бестужевъ?) и что-то говорилъ солдатамъ, а внутри каре было множество людей, и въ военныхъ, и въ гражданскихъ мундирахъ, и всякаго рода одеждахъ, шинеляхъ, шубахъ и т. п., съ оживленіемъ говорившихъ между собою и съ солдатами (то были главные заговорщики). Между тѣмъ квартальные и полицейскіе солдаты, стоявшіе впереди народной толпы, безпрестанно отодвигали ее назадъ, стращая, что «будутъ стрѣлять», но толпа отодвинется и снова надвинется, а съ нею и я, пока наконецъ полицейскіе рѣшительно заставили насъ уйти назадъ на бульваръ, по которому я за наро-

домъ и двинулся обратно. Не доходя до угла бульвара, я увидѣлъ, что отъ угла вдоль бульвара и тыломъ къ нему, уже стояло два эскадрона л.-гв. коннаго полка (то былъ 1-й дивизіонъ полковника барона Вельо). Завернувъ за уголъ бульвара и продолжая двигаться по немъ на лѣво, вдругъ я услыхалъ позади трескотню бѣглаго ружейнаго огня — и надъ нашими головами просвистали пули... То была атака конной гвардіи на передній фасъ каре, встрѣтившаго ее бѣглымъ ружейнымъ огнемъ на такомъ близкомъ разстояніи, что, какъ говорится, конямъ въ морду (при этомъ случаѣ полковникъ баронъ Вельо былъ раненъ въ руку, которую ему и отняли; впослѣдствіи онъ долго былъ комендантомъ въ Царскомъ Селѣ). Сколько было при этомъ раненыхъ—не знаю, но полагаю, что немного, ибо, какъ объясню въ своемъ мѣстѣ ниже, мятежники стрѣляли, кажется, большею частію вверхъ, чтобы не стрѣлять въ своихъ. Свистъ пуль надъ нашими головами, кажется, подтверждаетъ это; тѣмъ не менѣе онъ заставилъ меня образумиться и изъ-за ребяческаго любопытства не рисковать напрасно жизнью или цѣлостью. Я прибавилъ шагу, сколько позволяла густая толпа народа, и продолжалъ идти по бульвару вдоль Адмиралтейской площади. Тутъ я увидѣлъ, что на встрѣчу, возлѣ наружнаго тротуара, ѣхали на большихъ рысяхъ 4 орудія гвардейской пѣшей артиллеріи (л.-гв. 1-й артиллерійской бригады), а впереди бѣглымъ шагомъ бѣжалъ офицеръ этихъ орудій (то былъ поручикъ Бакунинъ, впослѣдствіи адъютантъ великаго князя Михаила Павловича). Пропустивъ эти орудія, я уже пошелъ въ обратный походъ къ дому, въ которомъ жили мои родители со всѣмъ нашимъ семействомъ (домъ барона Аша, впослѣдствіи Н. И. Греча, на Мойкѣ, рядомъ съ домомъ князя Юсупова). Но добраться туда было не легко: всѣ улицы были запружены народомъ, и лишь съ большимъ трудомъ, дальними обходами, уже часу въ 4-мъ, въ сумерки, наконецъ удалось мнѣ добраться до дому, порядочно измерзши на морозѣ съ полудня. Едва только я успѣлъ вкратцѣ разсказать своимъ о моихъ похожденіяхъ, какъ вдругъ мы услыхали пушечный выстрѣлъ, за нимъ другой, третій и четвертый... (то была трагическая развязка бунта на Сенатской площади: 4 выстрѣла картечью, обратившіе мятежниковъ въ бѣгство по Галерной и Невѣ, оставивъ на площади многихъ убитыхъ и раненыхъ).

Къ этому разсказу о томъ, что я самъ видѣлъ въ этотъ день, прибавлю то, что слышалъ отъ другихъ: во 1-хъ, отъ брата моего и Рочфорта, которые, глядя на все, происходившее на площадяхъ, съ галлереи Адмиралтейскаго шпица, также слышали на ихъ высотѣ свистъ пуль: это подтверждаетъ сказанное мною выше, что мятежники

бо́льшею частію стрѣляли вверхъ;—во 2-хъ, что когда встрѣченныя мною 4 орудія были поставлены въ указанномъ выше промежуткѣ между угломъ бульвара и заборомъ, и когда, наконецъ, рѣшено было прибѣгнуть къ картечи, то государь скомандовалъ—«первая», а Бакунинъ, командовавшій двумя первыми орудіями, подхватилъ команду: «пли!», но увидавъ, что послѣ команды: «первая пли!», № съ пальникомъ замялся и не наложилъ пальника на трубку, подскочилъ къ нему съ энергическимъ словомъ: «что ты...?» — «Ваше благородіе! свои!»—тихо отвѣчалъ № съ пальникомъ—«.... да если бы я самъ сталъ передъ пушкой и скомандовалъ «пли!» ты долженъ былъ бы стрѣлять!» и съ этимъ словомъ, выхвативъ у него пальникъ, самъ нанесъ его на трубку и произвелъ 1-й выстрѣлъ, который однако направленъ былъ поверхъ каре и почти вся картечь попала въ зданіе Сената. Но три слѣдующіе выстрѣла были уже направлены прямо въ каре, а потомъ вслѣдъ за бѣжавшими пущено было ядро вдоль Галерной и картечь по Невѣ;—дѣйствительно-ли было такъ это послѣднее обстоятельство, удостовѣрить не могу, не видавъ этого самъ, но знаю, что много раненыхъ солдатъ изъ числа мятежниковъ было подобрано въ Галерной, на Невѣ и Васильевскомъ островѣ, между прочимъ, въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ;—въ 3-хъ, любопытно то, что солдаты, грубымъ обманомъ увлеченные въ мятежъ, поплатились или жизнію, или тяжкими ранами и увѣчьями, или были отправлены на Кавказъ, а обманувшіе ихъ—первые попрятались по погребамъ и чердакамъ Галерной и другихъ улицъ, гдѣ и были въ ту же ночь отысканы и арестованы [1]).

Но самое любопытное изъ слышаннаго мною потомъ былъ разсказъ пріятеля моего (нынѣ умершаго) А. П. Башуцкаго, тогда адъютанта графа Милорадовича, о всемъ, что произошло съ этимъ послѣднимъ съ той минуты, когда государь послалъ его на Сенатскую площадь, до самой смерти его 15-го декабря рано утромъ. Разсказъ этотъ я не разъ слыхалъ отъ самаго Башуцкаго во всѣхъ подробностяхъ и сверхъ того читалъ въ составленномъ имъ описаніи. Первый экземпляръ этого описанія выпросилъ у Башуцкаго баронъ М. А. Корфъ, когда получилъ приказаніе государя составить описаніе событій дня восшествія его на престолъ; при этомъ Корфъ далъ слово возвратить

[1]) Подтвержденіемъ находчивости и расторопности Бакунина можетъ служить то, что послѣ 14-го декабря великій князь Михаилъ Павловичъ взялъ въ адъютанты къ себѣ именно Бакунина, а не другаго кого-либо изъ офицеровъ стрѣлявшаго дивизіона. Я зналъ Бакунина адъютантомъ великаго князя Михаила Павловича. Онъ былъ странный человѣкъ, въ родѣ полуумнаго, впослѣдствіи пилъ и спился и, какъ я слышалъ, умеръ на Кавказѣ сумасшедшимъ, можетъ быть отъ пьянства. Кн. Н. Г.

Башуцкому рукопись его, но возвратить не успѣлъ (она должна находиться у наслѣдниковъ графа М. А. Корфа). Башуцкій написалъ 2-й экземпляръ и далъ его мнѣ для чтенія, а у меня выпросилъ его, для чтенія же, Сергіевской Пустыни настоятель архимандритъ Игнатій (Брянчаниновъ), и не возвратилъ. Еще позже, къ 50-тилѣтію смерти графа Милорадовича въ 1875 г., Башуцкій составилъ 3-й экземпляръ для племянника Милорадовича (пожалованнаго, 14-го или 15 декабря 1875 г. въ графское достоинство и въ званіе флигель-адъютанта), у котораго этотъ экземпляръ и остался, а Башуцкій въ 1876 г. умеръ. Но я очень хорошо помню разсказъ его, какъ писанный, такъ, особенно, словесный, заключавшій нѣкоторыя подробности, которыя не вошли въ рукописное описаніе. Конечно, я здѣсь приведу только сущность разсказа Башуцкаго, но могу подтвердить полную достовѣрность того, что̀ скажу.

Когда Милорадовичъ, сопровождаемый только однимъ Башуцкимъ, пришелъ къ конногвардейскому манежу, то увидалъ, что л.-гв. конный полкъ только-что началъ собираться! Солдаты, одинъ за другимъ, выводили осѣдланныхъ лошадей изъ казармъ, но офицеровъ и командира полка, генералъ-маіора А. Ѳ. Орлова еще не было (удивительное дѣло!—а кавалергардскій полкъ, позже, прискакалъ изъ своихъ казармъ у Таврическаго сада во весь опоръ, имѣя въ головѣ полковаго командира своего, полковника графа С. Ѳ. Апраксина!). Милорадовичъ изумился этой медленности, послалъ Башуцкаго торопить полкъ, а самъ сталъ нетерпѣливо шагать взадъ и впередъ вдоль стѣны манежа. Нетерпѣніе его возрастало и наконецъ онъ, въ негодованіи, сказалъ Башуцкому по французски: «Je ne veux de son .... régiment» (т. е. Орлова) «donnez moi un cheval, j'irai seul!»— Ему подали приготовленную тутъ лошадь Бахметева, адъютанта Орлова, и онъ, сѣвъ на нее, поѣхалъ на Сенатскую площадь, а Башуцкій пошелъ рядомъ съ нимъ, съ правой стороны. Ставъ передъ переднимъ фасомъ каре, онъ вынулъ свою шпагу и, показывая клинокъ ея солдатамъ, сказалъ имъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ: «Эту шпагу подарилъ мнѣ великій князь Константинъ Павловичъ послѣ похода Суворова въ Италію и Швейцарію, въ знакъ своей дружбы ко мнѣ и съ надписью о томъ вотъ на этомъ клинкѣ: «другу моему Милорадовичу». Съ тѣхъ поръ я никогда не разлучался съ этой шпагой и она была при мнѣ во всѣхъ походахъ и сраженіяхъ. И я ли, послѣ этого, сталъ бы дѣйствовать противъ моего друга и благодѣтеля, и обманывать васъ, друзья, многіе изъ которыхъ были со мною въ походахъ и сраженіяхъ?» и т. д. Башуцкій увѣрялъ меня, что стоя рядомъ съ Милорадовичемъ, внимательно слушая

каждое слово его и не спуская глазъ съ солдатъ, онъ не могъ безъ умиленія и даже слезъ слышать необыкновенно одушевленной, хотя простой и понятной солдатамъ рѣчи Милорадовича, видѣлъ какое сильное вліяніе она производила на солдатъ и уже ожидалъ минуты, что они сложатъ оружіе... «Вдругъ—продолжалъ Башуцкій—мнѣ послышалось, будто по другую, лѣвую сторону Милорадовича что-то щелкнуло [1])—и въ ту же минуту Милорадовичъ повалился съ лошади на право... Я принялъ его на свое лѣвое плечо, лошадь изъ подъ него убѣжала, а ноги его упали на землю. Видя, что никто изъ окружавшей насъ толпы не трогался съ мѣста, чтобы пособить мнѣ нести графа, я крикнулъ какому-то близъ стоявшему человѣку въ фризовой шинели, чтобы онъ подобралъ ноги раненаго, между тѣмъ какъ туловищемъ графъ лежалъ на моемъ лѣвомъ плечѣ, перевѣсивъ правую руку свою за мою спину. Такъ понесли мы его мимо конногвардейскихъ манежа и полка, уже собравшагося, но не садившагося еще на лошадей. Офицеры были тутъ, но Орлова еще не было—и никто не тронулся съ мѣста пособить намъ! Вдругъ я чувствую, что Милорадовичъ правою рукою дернулъ меня за аксельбантъ и слабымъ голосомъ спросилъ: «Куда несете меня?»—«На квартиру генерала Орлова»—отвѣчалъ я.—«Я еще не умеръ, слушайтесь меня: не хочу я туда; въ казармы, сударь, на солдатскую койку, на ней хочу я умереть».

Тогда я повернулъ на право въ 1-я ворота казармъ и мы понесли раненаго по лѣстницѣ, подъ воротами, на верхъ, внесли въ комнату квартиры ротмистра Игнатьева и положили на диванъ. Я послалъ тотчасъ въ домъ военнаго генералъ-губернатора за людьми и вещами графа, и за врачами, а самъ оставался безотлучно при немъ. Вскорѣ собрались люди его и врачи, и въ главѣ послѣднихъ докторъ Арндтъ, совершавшій съ Милорадовичемъ походы 1812, 1813 и 1814 гг. Онъ и другіе врачи долго и мучительно для раненаго искали пулю—и наконецъ извлекли ее. Милорадовичъ потребовалъ, чтобы ее подали ему, осмотрѣлъ ее, перекрестился и сказалъ:

— «Слава Богу! это не солдатская!»

Тяжесть раны была такъ велика, что Милорадовичъ страшно страдалъ, но ни разу не выразилъ своихъ страданій ни стономъ, ни даже малѣйшимъ звукомъ голоса, а только въ минуты самыхъ жестокихъ болей такъ крѣпко кусалъ свою нижнюю губу, что изъ нея текла кровь, а пра-

[1]) То былъ Каховскій, подошедшій слѣва къ Милорадовичу и выстрѣлившій въ нижнюю часть лѣваго бока его, въ упоръ, изъ карманнаго пистолета, пулей малаго калибра, которая разорвала всѣ внутренности. Кн. Н. Г.

вою своею рукою такъ крѣпко сжималъ мою правую руку, что на ней долго потомъ оставались синія пятна. Вскорѣ къ раненому начали одинъ за другимъ приходить всѣ его боевые сподвижники и друзья, находившіеся въ Петербургѣ. Особенно трогательно было посѣщеніе принца Евгенія Виртембергскаго, сердечно любившаго и глубоко уважавшаго Милорадовича. Долго бесѣдовали они между собою, какъ два самые нѣжные брата и друга... Наступилъ уже вечеръ—и положеніе Милорадовича становилось, чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже и мучительнѣе. Государь часто присылалъ узнавать о положеніи графа и поздно вечеромъ прислалъ ему собственноручное письмо, въ которомъ писалъ, что вслѣдствіе чрезвычайныхъ обстоятельствъ этого дня никакъ не можетъ лично навѣстить графа, но выразилъ ему свои чувства глубокаго соболѣзнованія и высокаго уваженія. Въ полночь положеніе раненаго стало еще хуже и мучительнѣе, а передъ разсвѣтомъ онъ сталъ отходить—и рано утромъ 15-го декабря скончался, еще наканунѣ вечеромъ, съ глубокимъ благоговѣніемъ исполнивъ долгъ христіанскій—пріобщеніемъ св. Таинъ. Въ тотъ же день вечеромъ тѣло умершаго было перевезено на квартиру его въ домѣ военнаго генералъ-губернатора, въ Большой Морской, и выставлено въ залѣ, убранной трауромъ. Въ слѣдующіе шесть дней, 16—20 декабря, ежедневно при тѣлѣ служились панихиды и съ утра до вечера былъ впускъ публики къ тѣлу. 21-го же декабря происходило торжественное перевезеніе тѣла Милорадовича по Большой Морской и Невскому проспекту, въ Александро-Невскую Лавру, съ войсками по воинскому уставу, соборное отпѣваніе въ Духовской церкви, митрополитомъ съ многочисленнымъ духовенствомъ, и погребеніе въ той же церкви. Я не присутствовалъ при отпѣваніи и погребеніи тѣла Милорадовича, но видѣлъ перевезеніе его по Невскому проспекту и признаюсь, оно показалось мнѣ какъ то очень скромнымъ, можетъ быть потому, что въ память такого человѣка, я ожидалъ что нибудь большаго... Тѣло Милорадовича было погребено, какъ извѣстно, въ церкви св. Духа, за правымъ клиросомъ, и на могилѣ его была положена мраморная плита съ простою надписью чина, званія, имени, отчества, фамиліи, рожденія и смерти умершаго—все это въ нѣсколькихъ шагахъ отъ могилы Суворова, столько любившаго и уважавшаго Милорадовича и на могилѣ котораго, въ церкви Благовѣщенія, лежитъ надгробная плита, съ простою, но краснорѣчивою надписью: «Здѣсь лежитъ Суворовъ»!—Какое трогательное сближеніе во всемъ—и въ мѣстахъ вѣчнаго покоя этихъ двухъ русскихъ героевъ, и въ надписяхъ на ихъ могилахъ!

Въ добавленіе къ приведенному выше разсказу А. П. Башуцкаго

о раненіи, страданіяхъ, смерти и погребеніи тѣла нашего русскаго рыцаря Баярда, «безъ страха и упрека», приведу еще его же два разсказа о двухъ любопытныхъ случаяхъ, 14-го декабря, въ казармѣ, въ которой умиралъ Милорадовичъ.—«Какъ въ самой комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ, такъ и по сосѣдству, и на лѣстницѣ, приняты были всѣ мѣры къ соблюденію всевозможной тишины. «Вдругъ»—говорилъ Башуцкій, «я слышу, что внизу лѣстницы кто-то гремитъ саблей. Я вышелъ на лѣстницу и думая, что по ней идетъ на верхъ кто нибудь изъ солдатъ конной гвардіи, сказалъ ему: «кирасиръ, подбери палашъ» и самъ пошелъ на встрѣчу ему. Оказалось, что то былъ—Якубовичъ, котораго я зналъ, но вовсе не подозрѣвалъ, что онъ былъ въ числѣ заговорщиковъ. Сказавъ ему, что на верху лежитъ и умираетъ раненый Милорадовичъ, и имѣя надобность съѣздить на квартиру его, я принялъ предложеніе Якубовича довезти меня въ его наемной каретѣ. Войдя въ нее, я удивился, найдя въ ней цѣлый арсеналъ огнестрѣльнаго и бѣлаго оружія!—На вопросъ мой, что это значитъ? Якубовичъ отвѣчалъ, что «въ тогдашнихъ обстоятельствахъ это было не лишнее». Я понялъ сказанное въ буквальномъ смыслѣ, не придавая этому особеннаго значенія, и доѣхавъ, куда мнѣ нужно было, разстался съ Якубовичемъ. Послѣ оказалось, что Якубовичъ, чуя опасность быть арестованнымъ на своей квартирѣ, цѣлый вечеръ разъѣзжалъ по городу изъ дому въ домъ въ своей каретѣ, съ своимъ арсеналомъ, но не смотря на то, въ ту же ночь былъ арестованъ».

Другой разсказъ Башуцкаго, также въ своемъ родѣ очень любопытенъ. Какъ только Башуцкій съ своимъ помощникомъ въ фризовой шинели внесъ Милорадовича въ комнату и положилъ на диванъ, то отпустилъ фризовую шинель, а самъ началъ раздѣвать Милорадовича, снимая съ него мундиръ съ лентою и многочисленными орденами его, которые и сложилъ въ той же комнатѣ. Послѣ того въ нее входило и изъ нея выходило въ теченіе дня много людей, конечно, не постороннихъ и чужихъ, но въ концѣ концовъ ордена пропали!—и такъ какъ они нигдѣ и ни у кого не оказались, то вѣроятно были украдены! но кѣмъ и какъ — осталось неизвѣстнымъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ громадномъ стеченіи народа, на Сенатской и другихъ площадяхъ и улицахъ, въ день 14-го декабря, находились на лицо всѣ Петербургскіе воры, для очищенія, подъ шумокъ, чужихъ кармановъ, и можетъ быть одинъ изъ нихъ и забрался, въ суматохѣ, въ комнату, гдѣ лежалъ Милорадовичъ, и укралъ его ордена. Такъ или иначе, но это фактъ любопытный.

III.

Послѣ дневнаго любопытства моего настало вечернее: мнѣ захотѣлось посмотрѣть, что дѣлалось на площадяхъ вечеромъ—и я снова въ походъ туда. Изъ Гороховой я съ трудомъ вышелъ на Адмиралтейскую площадь—и «какое зрѣлище представилось предъ очи!» Я увидалъ на всѣхъ трехъ площадяхъ «станъ русскихъ воиновъ, съ пылавшими кострами» и оцѣпленный часовыми! Главная масса войскъ была расположена на Дворцовой площади и кругомъ Зимняго дворца, а прочія—на Адмиралтейской и Сенатской. Проникнуть за цѣпь часовыхъ было невозможно, и я, полюбовавшись этой воинственной картиной, обратился вспять, и ни безъ труда, снова, какъ утромъ, совершилъ этотъ походъ обратно, такъ какъ улицы все таки были запружены народомъ. Но мое любопытство не унялось, и 15-го декабря къ утру я снова отправился на Адмиралтейскую площадь и тутъ увидалъ уже иную картину: всѣ войска уже расходились по своимъ казармамъ; на зданіи Сената уже были заглажены слѣды картечи, а на Сенатской площади слѣды крови, и, какъ говорили, было отслужено молебствіе, какое съ тѣхъ поръ и совершалось тутъ же въ день 14-го декабря, но вскорѣ было отмѣнено.

Миновалъ этотъ скорбный день—и по немногу все стало входить въ обычную колею. А мы, чаявшіе производства въ офицеры и нежданно-негаданно лишенные его на цѣлый мѣсяцъ, ласкали себя надеждой, что вотъ-вотъ—и мы будемъ возведены въ великій чинъ прапорщика. Но—не тутъ-то было: пришли и прошли, и праздникъ Рождества Христова, и день новаго 1826 года, и праздникъ Крещенія, а мы—все еще недоросли. 1-го января 1826 г. былъ произведенъ въ корнеты юнкеръ л.-гв. коннаго полка князь Италійскій, графъ Александръ Аркадіевичъ Суворовъ-Рымникскій, а 6-го января—выпускные юнкера школы гвардейскихъ подпрапорщиковъ... А мы-то когда же? Но—дошла, наконецъ, очередь и до насъ, насталъ и для насъ желанный и блаженный день: 7-го января ввечеру братъ Александръ и я были «несказанно и безмѣрно» обрадованы принесеннымъ намъ (писаремъ главнаго штаба) Высочайшимъ приказомъ этого дня, о производствѣ всѣхъ насъ 11-ти чел. въ офицеры, въ томъ числѣ брата Александра л.-гв. въ конную артиллерію, а меня и Фролова въ гвардейскій генеральный штабъ. Радость и ликованія безмѣрныя! достигли наконецъ цѣли, хотя и потеряли почти 2 мѣсяца старшинства. Но тутъ уже было не надо этого—и первымъ нашимъ, брата и моимъ, дѣломъ было мигомъ облечься въ военную офицерскую форму—въ сюртуки съ эполетами—показаться въ нихъ

родителямъ и сестрамъ и тотчасъ же, и для того же отправиться къ женѣ брата моего Василія (который, какъ флигель-адъютантъ, сопровождалъ тѣло умершаго императора изъ Таганрога въ Петербургъ).

Но послѣ этого домашняго, семейнаго представленія, на другой день захотѣлось вкусить перваго наслажденія—какъ намъ, новенькимъ прапорщикамъ, на улицахъ солдаты будутъ снимать фуражки, а часовые—отдавать честь!—И что-же?—въ шинеляхъ это казалось недостаточнымъ, нужно было показать на свѣтъ Божій свои эполеты и я въ одномъ сюртукѣ (конечно, съ фуфайкой подъ нимъ) отправился пѣшкомъ, недалеко отъ насъ, въ Морской Никольскій соборъ къ обѣднѣ и такимъ же порядкомъ воротился оттуда домой. Такое юношеское неблагоразуміе, зимою, въ морозъ, могло бы имѣть непріятныя послѣдствія, но, Слава Богу! ихъ не было, за то—удовольствія было вдоволь.

Вслѣдъ затѣмъ всѣ мы 11 чел. произведенныхъ въ офицеры, въ полной парадной формѣ, представлялись главному директору Пажескаго и всѣхъ кадетскихъ корпусовъ, Царскосельскаго Лицея и его пансіона, генералъ-адъютанту, впослѣдствіи графу, Павлу Васильевичу Кутузову, уже назначенному, по смерти графа Милорадовича, С.-Петербургскимъ военнымъ генералъ-губернаторомъ и поселившемуся въ домѣ послѣдняго, на Большой Морской. А послѣ этого представленія, каждый изъ насъ представлялся уже особо своему начальству: я и Фроловъ—генералъ-квартирмейстеру главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-лейтенанту Адеркасу; начальнику штаба гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанту Нейдгардту; оберъ-квартирмейстеру того же корпуса, флигель-адъютанту полковнику князю Андрею Михайловичу Голицыну (однофамильцу, но не родственнику моему) и наконецъ позже начальнику главнаго штаба его императорскаго величества, генералъ-адъютанту барону Ивану Ивановичу Дибичу (по возвращеніи его изъ Таганрога). Представленіе послѣднему особенно памятно мнѣ. Онъ жилъ тогда въ такъ называемомъ Шепелевскомъ дворцѣ на углу Большой Милліонной и Зимней канавки, гдѣ теперь императорскій музей. На его квартирѣ насъ встрѣтилъ, вмѣсто дежурнаго адъютанта, всѣмъ извѣстный тогда камердинеръ его, казенный деньщикъ Арсеній или, какъ его звали, Арсентій, человѣкъ довольно толстый, съ большими бакенбардами, важной осанки, державшій себя съ достоинствомъ и говорившій про Дибича не иначе, какъ мы (подразумѣвая и себя съ нимъ). Этого Арсентія всѣ въ арміи знали, иные даже заискивали въ немъ, а онъ разыгривалъ роль благосклоннаго покровителя. Распросивъ насъ и сказавъ: «мы теперь заняты, обождите», вскорѣ доложилъ о насъ—

и изъ кабинета буквально «выкатилась», какъ шаръ, маленькая, кругленькая фигурка Дибича, съ взъерошенными волосами (Д. В. Давыдовъ, въ своихъ запискахъ, назвалъ его «нечесаннымъ майминстомъ») далеко не столь величавая и важная, какъ фигура Арсентія. Дибичъ, чрезвычайно скорый во всѣхъ своихъ движеніяхъ и словахъ, принялъ насъ очень радушно, обнялъ и скороговоркой проговорилъ:

— Помните, что офицеръ квартирмейстерской части долженъ всегда, во всемъ и всѣмъ служить примѣромъ.

Эти слова были приняты нами весьма сочувственно и впослѣдствіи оцѣнены еще болѣе.

12-го января 1826 г., я и Фроловъ были назначены состоять въ штабѣ гвардейскаго корпуса и явились туда на службу. Штабъ этотъ помѣщался въ 3-хъ этажномъ каменномъ домѣ, второмъ отъ угла Невскаго проспекта на Адмиралтейской площади (тамъ, гдѣ теперь середина фаса главнаго штаба, выходящаго на эту площадь). На фронтонѣ его съ колоннами была надпись «гвардейскій генеральный штабъ» и въ этомъ домѣ штабъ гвардейскаго корпуса находился съ 1816 г. до перевода его, въ концѣ 1838-го года, въ ново-построенное большое зданіе на углу Дворцовой площади, между манежемъ и Пѣвческимъ мостомъ, а прежній домъ штаба былъ перестроенъ и присоединенъ къ зданію главнаго штаба его императорскаго величества. До того времени начальниками штаба въ этомъ домѣ были съ 1816 г.: Сипягинъ, Желтухинъ, А. Х. Бенкендорфъ, Нейдгардтъ и съ 1830 г. Веймарнъ 1-й. Въ верхнемъ этажѣ этого дома помѣщалась квартирмейстерская часть съ двумя отдѣленіями и чертежною, во 2-мъ, среднемъ этажѣ—кабинетъ начальника штаба, 6 отдѣленій дежурства (въ 2-хъ комнатахъ съ шкапами библіотека штаба) и комната для занятій писарей, а въ нижнемъ этажѣ сѣни, типографія и помѣщенія для писарей и сторожей.

Наша (моя и Фролова) ежедневная служба по утрамъ происходила въ верхнемъ этажѣ, въ кварпирмейстерской части, въ офицерской комнатѣ, гдѣ находились: большой столъ для картъ и плановъ по серединѣ, столъ оберъ-квартирмейстера (флигель-адъютанта полковника князя Голицына) два стола начальниковъ отдѣленій (подпоручиковъ К. В. Чевкина и Траскина) и три стола для занятій офицеровъ. Прежде всѣхъ являлись мы, новички, я и Фроловъ, потомъ Чевкинъ и Траскинъ, и позже всѣхъ князь Голицынъ, добрѣйшій человѣкъ, но большой ворчунъ, часто имѣвшій стычки на словахъ съ горячимъ Чевкинымъ, который имѣлъ очень острый языкъ, и въ карманъ за словомъ не лазилъ. Насъ двухъ новичковъ князь Голицынъ тотчасъ засадилъ за черченіе ситуаціи и боевыхъ порядковъ, въ чемъ мы до-

толѣ еще не имѣли практическаго навыка. Сверхъ того мы, вмѣстѣ съ другими субалтернъ-офицерами (не выше поручиковъ) гвардейскаго генеральнаго штаба, кромѣ Чевкина и Траскина, дежурили при начальникѣ штаба Нейдгардтѣ, по очереди съ его адъютантами. Дежурства эти начинались въ 9 ч. утра на квартирѣ Нейдгардта, въ домѣ Бека на Гороховой, 2-мъ отъ угла Адмиралтейской площади и продолжались до 3-хъ или 4-хъ часовъ.

Нейдгардтъ былъ изъ числа «акуратныхъ нѣмцевъ» и доводилъ свою акуратность до педантства. Однажды въ началѣ я пришелъ на дежурство въ 9 ч. безъ 5 минутъ, а онъ вышелъ изъ кабинета и молча показалъ мнѣ свои часы! Послѣ того я, платя акуратностью за акуратность, по приходѣ на дежурство звонилъ только ровно въ 9 ч. До 10 ч. Нейдгардтъ оставался у себя, принималъ доклады и представлявшихся ему, а въ 10 ч. отправлялся съ докладомъ къ корпусному командиру (генералу отъ кавалеріи Воинову), куда и дежурный долженъ былъ сопровождать его съ портфелемъ и бумагами, а оттуда въ Шепелевскій дворецъ и эрмитажъ, гдѣ тогда Государь принималъ генераловъ, полковыхъ командировъ и адъютантовъ съ рапортами, ординарцевъ и вѣстовыхъ, а затѣмъ въ 12 ч., въ сопровожденіи всѣхъ, на разводъ въ дворцовомъ экзерциргаузѣ или манежѣ напротивъ (гдѣ потомъ былъ сельско-хозяйственный музей). Послѣ развода Нейдгардтъ, въ сопровожденіи дежурнаго офицера, отправлялся въ гвардейскій штабъ, гдѣ и оставался до 2, 3 или и 4-хъ часовъ, принимая доклады всѣхъ отдѣленій, отдавая приказанія по войскамъ и пр. Изъ штаба Нейдгардтъ отправлялся уже домой обѣдать и иногда приглашалъ дежурнаго къ своему обѣду. Мнѣ эту честь онъ оказывалъ довольно часто, такъ какъ еще съ 1820-хъ годовъ, въ бытность свою въ Москвѣ начальникомъ штаба 5-го пѣхотнаго корпуса графа Петра Александровича Толстаго, онъ былъ знакомъ съ моими родителями, и они, по старому знакомству съ нимъ, въ 1826 г. поручили меня ему. Какъ по этому, такъ и по личнымъ качествамъ и достоинствамъ Нейдгардта, я считалъ и считаю счастіемъ для себя, что онъ былъ первымъ моимъ начальникомъ при вступленіи моемъ въ службу въ очень молодыхъ лѣтахъ (16½ лѣтъ). Онъ благоволилъ мнѣ, но не баловалъ, былъ взыскателенъ, но не суровъ, училъ меня порядку службы и былъ моимъ наставникомъ и руководителемъ въ ней, и я всегда хранилъ и храню благодарное воспоминаніе о немъ. Къ этому присоединялось чувство искренняго уваженія къ нему, потому что онъ былъ человѣкъ добрый, честный, благородный, умный, образованный, благовоспитанный и прекрасный семьянинъ. По службѣ своей въ квартирмейстерской части въ 1806-7-12-13-14-15 гг., онъ имѣлъ

лестную извѣстность знающаго, дѣльнаго и храбраго офицера, нося на себѣ слѣды своей боевой дѣятельности—прострѣленные: ладонь и пальцы правой руки, отчего особеннымъ образомъ держалъ перо и писалъ. Въ 1826 г. ему было лѣтъ 40-45, и наружность его была очень своеобразная. Голову онъ имѣлъ плѣшивую, лицо съ правильными и тонкими чертами, но съ довольно длиннымъ и выдавшимся носомъ, по близорукости носилъ очки, тѣломъ былъ худощавъ, станъ имѣлъ нѣсколько сутуловатый и кривобокій, такъ что лѣвое плечо было ниже праваго (можетъ быть отъ продолжительной привычки писать наклонясь надъ бумагой на лѣвую сторону). Хотя по происхожденію и фамиліи нѣмецъ, но совершенно обрусѣвшій, онъ столько же хорошо зналъ русскій и французскій языки, сколько и нѣмецкій, и отлично говорилъ и писалъ на нихъ. Проведя жизнь въ свѣтскомъ обществѣ, онъ имѣлъ весьма хорошія манеры и достоинство въ обращеніи, и этимъ, какъ и всѣми означенными выше качествами весьма выгодно отличался отъ большинства тогдашнихъ гвардейскихъ генераловъ, служакъ-фрунтовиковъ, но не отличавшихся особенно ни образованностью, ни изящными манерами и нѣсколько напоминавшихъ гатчинскихъ офицеровъ временъ Павла I. Нейдгардтъ же, среди нихъ, напротивъ, напоминалъ блистательныхъ генералъ-адъютантовъ и гвардейскихъ генераловъ временъ Александра I. Онъ былъ отличный начальникъ штаба, хотя какъ я сказалъ, нѣсколько педантъ и мелочной человѣкъ, за что многіе не любили и бранили его. Впрочемъ педантство, мелочность и щепетильность въ военной службѣ, и строевой и штабной, были тогда въ большой силѣ, во всѣхъ отношеніяхъ: таковъ уже былъ духъ времени, а Нейдгардтъ волей-неволей подчинялся ему. Въ семейномъ отношеніи слѣдуетъ сказать, что онъ былъ женатъ на княжнѣ Аннѣ Борисовнѣ Черкасской, у которой были три брата, служившіе оберъ-офицерами въ л. гв. семеновскомъ полку. Нейдгардтъ и жена его имѣли въ то время нѣсколько малолѣтнихъ дѣтей (сына и трехъ дочерей). Обѣды у него были многосемейные, такъ какъ кромѣ его, жены и дѣтей, въ нихъ нерѣдко участвовали братья его жены и сестра ихъ, графиня Буксгевденъ съ мужемъ, полковникомъ л.-г. гусарскаго полка (оба, мужъ и жена, очень статные и красивые). Столъ былъ хорошій, но скромный, потому что Нейдгардты имѣли большое семейство, жили скромно и расчетливо.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825 - 1855 гг.

III [1]).

Въ третьей главѣ моихъ Записокъ я вошелъ въ нѣкоторыя подробности о Нейдгардтѣ, какъ по долгу признательной памяти объ омъ первомъ начальникѣ и служебномъ наставникѣ и руководителѣ емъ, такъ и потому, что объ этомъ заслуженномъ и достойномъ ловѣкѣ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, не было и нѣтъ никакихъ біографическихъ и характеристическихъ, безпристрастныхъ и вѣрныхъ свѣній. Нельзя не пожелать, чтобы наслѣдники его собрали и издали ихъ.

Затѣмъ возвращаюсь къ моему разсказу. Кромѣ дежурствъ при йдгардтѣ и ежедневныхъ занятій въ штабѣ, мнѣ и Фролову съ самаго чала нерѣдко приходилось участвовать въ Высочайшихъ смотрахъ рдіи и за два часа передъ тѣмъ разставлять линейныхъ унтеровъ ослѣдствіи жалонеровъ съ значками). — При такихъ разстановъ, старшіе офицеры наши учили меня и Фролова отмѣривать станціи шагами такъ вѣрно, какъ циркулемъ, въ чемъ дѣйствительно нужно было имѣть навыкъ, такъ чтобы дѣлать шаги ровно 1 аршинъ. Первымъ высочайшимъ смотромъ всѣхъ войскъ гвардіи, одившихся въ Петербургѣ, на которомъ мнѣ довелось быть вскорѣ лѣ 12 января, верхомъ на лошади, былъ произведенный Государемъ Галтыковской площади — и имъ начался длинный рядъ другихъ поыхъ въ продолженіи семи лѣтней службы моей при гвардейскомъ

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX, стр. 599—616.

корпусѣ, до апрѣля 1833 г., когда я перешелъ въ генеральный штабъ, о чемъ скажу въ своемъ мѣстѣ ниже.

Перевезеніе тѣла императора Александра I изъ Чесмы въ Казанскій соборъ совершилось 6-го марта 1826 г., на 1-й недѣлѣ великаго поста, а изъ Казанскаго собора въ Петропавловскій, въ крѣпости, для погребенія—ровно черезъ недѣлю, 13-го марта, на 2-й недѣлѣ (то и другое разскажу въ своемъ мѣстѣ ниже). Три мѣсяца же, съ 14-го декабря 1825 г. до 13-го марта 1826 г., были для Петербурга временемъ траурнымъ, печальнымъ и тревожнымъ. По городу ходили странные и, бо́льшею частію, нелѣпые слухи, смущавшіе и тревожившіе народонаселеніе столицы, особенно простой народъ. Кто распространялъ эти слухи—не знаю, но едва ли не тайные сторонники декабристовъ, для устрашенія правительства, изъ-за неудовольствія противъ него. Такъ, напримѣръ, всюду ежедневно ходили слухи о пороховыхъ подкопахъ подъ всѣми улицами, по которымъ должны были везти тѣло покойнаго императора, отъ заставы до обоихъ соборовъ, и подъ этими послѣдними, подвалы которыхъ, будто бы, были наполнены бочками съ порохомъ! (а позже и въ каждомъ флашкоутѣ Троицкаго моста, нарочно наведеннаго черезъ Неву). Какъ ни нелѣпы были эти слухи, но они легко распространялись въ простомъ народѣ и держали умы, да и самое правительство, въ тревогѣ; со стороны послѣдняго, конечно, были приняты всѣ мѣры предосторожности и опроверженія тревожныхъ слуховъ. Замѣчательно, между прочимъ, одно обстоятельство, которое, не смотря на крайнюю нелѣпость слуха, послужившаго поводомъ къ нему, едва-ли не изобличало какого-то тайнаго намѣренія произвесть уличные безпорядки.. Распространился слухъ, что въ такой-то день утромъ изъ Казанскаго собора поведутъ попа съ козлиной бородой!—и въ этотъ день утромъ, вся площадь Казанскаго собора залилась несмѣтными и густыми толпами народа со всего города: всѣ отвсюду бѣжали на Казанскую площадь посмотрѣть попа съ козлиной бородой! Долго и тщетно полиція употребляла всѣ мѣры убѣжденія народа разойтись, и наконецъ—прибѣгла къ очень оригинальному способу принужденія къ тому, не прибѣгая къ насилію: привезли пожарныя трубы съ водою—и давай ею съ 4-хъ сторонъ окачивать любопытныхъ! Эти внезапныя холодныя души мигомъ очистили площадь, но страхи пороховыхъ подкоповъ и взрывовъ не прекращались до самаго погребенія тѣла покойнаго императора. Особенно опасались какъ я слышалъ и самъ имѣлъ поводъ полагать по одному обстоя-

тельству, которое разскажу ниже) за крѣпостныя ворота, два моста при нихъ и равелинъ, въ которомъ были заключены участники смуты 14-го декабря.

Насталъ, наконецъ, день 6-го марта—перевезенія тѣла покойнаго императора изъ Чесменскаго дворца въ Казанскій соборъ. Въ Чесменскій дворецъ оно было привезено за нѣсколько дней передъ тѣмъ, по церемоніалу перевезенія его изъ Таганрога. Императоръ Николай Павловичъ встрѣтилъ его по приближеніи къ Чесменскому дворцу и (какъ я слышалъ потомъ отъ старшаго брата моего, флигель-адъютанта, сопровождавшаго тѣло отъ Таганрога), взойдя на печальную колесницу, съ плачемъ и рыданіемъ бросился на гробъ покойнаго старшаго брата и благодѣтеля своего... Послѣ кратковременнаго пребыванія тѣла въ церкви Чесменскаго дворца, оно было перевезено оттуда, утромъ 6-го марта, по Таганрогскому церемоніалу, до Московской заставы, отсюда же, по особенному церемоніалу, со всею печальною процессіей, по означеннымъ выше улицамъ, между разставленныхъ, по обѣимъ сторонамъ ихъ, войскъ гвардіи, въ Казанскій соборъ.

День этотъ съ утра былъ пасмурный, морозный, съ вѣтромъ и снѣгомъ. За два часа до занятія войсками назначенныхъ имъ на улицахъ мѣстъ, мы, офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, должны были, по обыкновенію, разставлять линейныхъ унтеръ-офицеровъ. Предвидя, что мнѣ цѣлое утро придется быть на морозѣ въ одномъ мундирѣ, я принялъ всевозможныя мѣры, чтобы одѣться теплѣе. Но тогдашняя форма—мундиръ, бѣлые панталоны, ботфорты и треугольная шляпа - нисколько не благопріятствовала тому. Все носилось тогда въ обтяжку, очень узкое, да и шито было для меня еще въ ноябрѣ 1825 г., когда и не предвидѣлось всѣхъ послѣдующихъ событій. Сдѣлавъ все, что только было возможно при такой формѣ, дабы не прозябнуть въ ней, два часа провелъ я пѣшимъ, на ногахъ, въ разстановкѣ линейныхъ унтеръ-офицеровъ на моемъ участкѣ—по Большой Садовой до Публичной библіотеки и отъ нея до Казанскаго собора, и тутъ, по крайней мѣрѣ, я могъ нѣсколько разогрѣваться, измѣривая дистанціи, по прежнимъ наставленіямъ Чевкина, шагами ровно въ аршинъ. Но затѣмъ, когда войска пришли и заняли свои мѣста, все перемѣнилось: нужно было сѣсть на коня и въ одномъ мундирѣ разъѣзжать взадъ и впередъ, а по приближеніи головы печальной процессіи, стать уже и стоять на мѣстѣ. Такъ какъ оно для меня опредѣлено не было, то я, желая видѣть всю печальную про-

цессію отъ головы до хвоста, избралъ для того самое лучшее, по моему мнѣнію, мѣсто—въ Малой Конюшенной, противъ самаго Казанскаго собора, на правомъ флангѣ батарейной батареи л.-гв. конной артиллеріи, въ которой (батареѣ) состоялъ братъ мой, произведенный вмѣстѣ со мною въ офицеры. Съ этого мѣста я, дѣйствительно, видѣлъ всю печальную процессію, отъ начала до конца—отлично, но за то же и иззябъ отлично и едва не отморозилъ уши, руки и ноги. Вѣтеръ и снѣжная мятель разыгрались не на шутку, да и просидѣть при нихъ часа три неподвижно на конѣ—тоже было не шутка. О печальной процессіи нужно сказать, что она была исполнена «въ послѣдній разъ» по церемоніалу, соблюдавшемуся со временъ Петра Великаго, когда была цѣликомъ заимствована изъ нѣмецкихъ церемоніаловъ Германіи (позже онъ былъ значительно измѣненъ и упрощенъ). И чего только не было въ печальной процессіи по этому церемоніалу! Начать съ того, что всѣ участвовавшіе въ ней, начиная съ Государя, шли въ длинныхъ и широкихъ черныхъ плащахъ, имѣя на головахъ черныя же шляпы съ распущенными полями! Нельзя вообразить себѣ, какой мрачный видъ представляла вся печальная процессія! Не говоря уже о многочисленныхъ представителяхъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, гербахъ, орденахъ, регаліяхъ и пр., особенное вниманіе мое привлекли на себя боевой и траурный кони и рыцари веселаго и печальнаго образа, первый—въ свѣтлыхъ доспѣхахъ, а второй—въ черныхъ, съ опущенными: забраломъ и мечомъ, выступавшій мѣрнымъ шагомъ, точно пѣтухъ. (Позже я слышалъ, что хотя онъ былъ выбранъ изъ самыхъ рослыхъ, дюжихъ и крѣпкихъ людей, однако, промаршировавъ отъ заставы до собора, отъ тяжести латъ харкалъ кровью). За многочисленнымъ духовенствомъ, наконецъ, показалась великолѣпная траурная, печальная колесница и на ней гробъ—кого же? того, который послѣ 24-хъ лѣтъ царствованія въ Россіи, оставилъ по себѣ такую громкую славу и общую любовь! Нужно было быть современникомъ той эпохи и свидѣтелемъ этой печальной церемоніи, чтобы постигнуть всю полноту мыслей и чувствъ при видѣ этого гроба! Подлинно, можно было бы, подражая словамъ Ѳеофана Прокоповича при погребеніи Петра Великаго, сказать: «Что видимъ? что дѣлаемъ?—Александра I погребаемъ»! Для меня какъ-то особенно грустенъ былъ видъ этого гроба: воспитанники Царскосельскаго Лицея и его пансіона привыкли почти ежедневно видѣть покойнаго государя въ Царскомъ Селѣ, его дворцѣ и саду, и помнили всегда милостивое вниманіе его къ нимъ, которыхъ онъ называлъ своими.

За гробомъ шли пѣшкомъ: Государь, великій князь Михаилъ Павловичъ и многочисленная свита ихъ, всѣ въ черныхъ шляпахъ и плащахъ, и ѣхали многочисленные же придворные траурные экипажи, въ которыхъ обѣихъ императрицъ, по нездоровью ихъ, кажется, не было: церемоніала я не припомню, а издали разглядѣть, по близорукости, не могъ. Во всякомъ случаѣ, императрицы Александры Ѳеодоровны, по нездоровью ея, тутъ не было.

По внесеніи гроба въ Казанскій соборъ, отслуженіи въ немъ, въ присутствіи государя и императорской фамиліи, 1-й соборной панихиды и по удаленіи ихъ изъ собора, начался впускъ публики въ него, а войска стали расходиться и я отправился домой, куда прибылъ сильно измерзшій. Послѣ того я бывалъ въ Казанскомъ соборѣ, гдѣ тѣло покойнаго императора оставалось, какъ сказано выше, цѣлую недѣлю до 13-го марта — дня перевезенія его въ Петропавловскій соборъ и погребенія въ немъ въ тотъ же день. Казанскій соборъ былъ весь убранъ трауромъ; тѣло покойнаго императора, въ постоянно закрытомъ гробѣ, покоилось на срединѣ собора, на возвышеніи въ нѣсколько ступеней, огражденномъ балюстрадой, было осѣнено сверху драпировкой изъ парчи, подъ императорскою короной. Вообще все внутреннее убранство собора и посреди его гробъ, заключавшій въ себѣ смертные останки почившаго великаго Государя, производили глубое, невыразимое впечатлѣніе... Ежедневно стеченіе публики и народа въ соборъ, въ назначенные часы, для поклоненія тѣлу почившаго императора, во всю недѣлю, было громадное, и въ эти семь дней все народонаселеніе Петербурга перебывало въ Казанскомъ соборѣ.

Въ день перевезенія тѣла въ Петропавловскій соборъ, 13-го марта, 2-й недѣлѣ великаго поста, я былъ назначенъ состоять при войскахъ, имѣвшихъ быть расположенными въ крѣпости (л.-гв. саперномъ баталіонѣ и др.), подъ начальствомъ начальника инженеровъ гвардейскаго корпуса, генералъ-адъютанта (съ 14-го декабря 1825 г.), генералъ-маіора Сазонова, командовавшаго прежде л.-гв. сапернымъ баталіономъ. По этому случаю я, съ нѣсколькими другими офицерами гвардейскаго генеральнаго штаба, по обыкновенію, за два часа до прибытія войскъ, разставлялъ, снова на морозѣ, линейныхъ унтеръ-офицеровъ, именно такъ, что л.-гв. саперный батальонъ занималъ главное мѣсто, правымъ флангомъ отъ первыхъ воротъ Петропавловскихъ, а лѣвымъ — отъ этихъ воротъ до собора; остальныя же части пѣхоты были расположены вдоль главнаго крѣпостнаго вала,

между крѣпостными орудіями, для производства установленныхъ ружейныхъ залповъ при опущеніи гроба въ могилу. По занятіи войсками своихъ мѣстъ, я, съ другими офицерами, взошелъ на ближайшій угловой бастіонъ и оттуда смотрѣлъ и видѣлъ все шествіе печальной процессіи съ Суворовской площади черезъ Троицкій мостъ въ крѣпость. Но приближеніи же къ ней печальной колесницы, я сталъ, пѣшкомъ, какъ и прочіе офицеры штаба генералъ-адъютанта Сазонова, возлѣ него, на правомъ флангѣ л.-гв. сапернаго баталіона, у моста черезъ крѣпостной ровъ. По тѣснотѣ пространства между двумя воротами, вся печальная процессія и печальная колесница проходили очень близко (шагахъ въ трехъ) передъ нашимъ фронтомъ, и я, снова подстрекаемый любопытствомъ, вознамѣрился какъ можно лучше разсмотрѣть печальную колесницу и гробъ на ней. При проѣздѣ ихъ мимо насъ, я, стоя во фронтѣ и держа правую руку у шляпы, впился, такъ сказать, глазами въ колесницу и гробъ, но какъ только колесница уже миновала насъ и взъѣхала на крѣпостной мостъ, я, чтобы продолжать свои наблюденія, выдвинулъ правую ногу впередъ, обернулся въ полъ-оборота на лѣво и, все еще держа правую руку у шляпы, лѣвую приложилъ къ лѣвому глазу и, по старой школьной привычкѣ въ классѣ противъ учебной доски, растянулъ глазъ, дабы, по близорукости моей, яснѣе видѣть, ибо очковъ еще не носилъ. Черезъ одну, двѣ секунды, отведя глаза мои отъ колесницы и гроба, я увидѣлъ—что слѣдовавшіе за ними пѣшкомъ: Государь, Дибичъ и вся свита обернулись въ мою сторону и пристально смотрятъ на меня. Я немедленно опустилъ лѣвую руку, приставилъ правую ногу къ лѣвой и сталъ, какъ прежде, на своемъ мѣстѣ. Въ это время я подумалъ, что обратилъ на себя вниманіе лишь означенною выше перемѣною въ моемъ положеніи въ ряду стоявшихъ возлѣ меня офицеровъ. Но никто изъ нихъ, ни Сазоновъ, ничего мнѣ касательно этого не замѣтили. Кончился обрядъ погребенія, войска и артиллерія въ крѣпости произвели обычный салютъ, императорская фамилія и дворъ уѣхали, а войска разошлись изъ крѣпости и я воротился домой, нимало не помышляя о случившемся со мною въ крѣпости. Но на другой или третій день я получилъ приказаніе явиться къ управлявшему тогда канцеляріей Дибича по квартирмейстерской части, этой же части генералъ-маіору Селявину, въ зданіи главнаго штаба е. и. в—ва. Селявинъ, писавшій за своимъ столомъ въ своемъ кабинетѣ, при входѣ моемъ, спросилъ меня, почему я, 13-го марта, въ крѣпости, при проѣздѣ

печальной колесницы, «повернулся на лѣво и поднялъ лѣвую руку?» Ни малѣйше не подозрѣвая причины этого вопроса, я не только безъ всякаго смущенія, но даже улыбнувшись, совершенно простодушно объяснилъ, что хотѣлъ разсмотрѣть печальную колесницу и, будучи близорукъ, по старой школьной привычкѣ, лѣвою рукою растянулъ лѣвый глазъ, чтобы яснѣе видѣть. Мой простодушный отвѣтъ, безъ смущенія, даже съ улыбкой, видно показался Селявину удовлетворительнымъ и онъ сказалъ мнѣ: «хорошо, можете идти», и тѣмъ все и кончилось, къ моему счастію, какъ оказалось послѣ того. Что же именно оказалось? При указанныхъ мною выше тревожныхъ слухахъ, съ 14-го декабря 1825 г. до 13-го марта 1826 г., о пороховыхъ взрывахъ и пр. т. п., арестованіи нѣсколькихъ офицеровъ квартирмейстерской части въ числѣ государственныхъ заговорщиковъ и заключеніи ихъ, вмѣстѣ съ этими послѣдними, въ крѣпости, — полуоборотъ мой къ крѣпостнымъ окнамъ, съ поднятіемъ лѣвой руки, можетъ быть, принятъ былъ, со стороны офицера въ мундирѣ гвардейскаго генеральнаго штаба, за какой нибудь злоумышленный «сигналъ» и обратилъ на меня вниманіе Государя, Дибича и свиты. Только тогда понялъ я, какой опасности я счастливо избѣжалъ, изъ одного любопытства моего, какъ 14-го декабря 1825 г. на Адмиралтейскомъ бульварѣ, когда надъ моей головой просвистали пули! Какъ въ этомъ послѣднемъ случаѣ я могъ быть убитъ или раненъ, такъ въ первомъ, почему знать? могъ бы самъ угодить въ крѣпость, къ которой обернулся съ поднятіемъ руки! Но въ оба раза Богъ видимо спасъ меня. Вотъ почему *я* и изложилъ послѣдній случай нѣсколько подробно, въ отношеніи не ко мнѣ лично, но къ тогдашнимъ обстоятельствамъ и состоянію умовъ.

Послѣ погребенія тѣла покойнаго императора Александра I, въ гвардіи и ея штабѣ дѣятельно производились уже и передъ тѣмъ начатыя приготовленія къ походу «Московскаго отряда гвардейскаго корпуса» изъ Петербурга въ Москву на высочайшую коронацію. Походъ этотъ былъ произведенъ въ апрѣлѣ и маѣ 1826 г., а 31-го марта—18-й день послѣ погребенія тѣла покойнаго императора—я, по назначенію начальства, уже отправился съ штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Аполлономъ Аполлоновичемъ Жемчужниковымъ (въ послѣдствіи умеръ генералъ-маіоромъ и начальникомъ штаба отдѣльнаго сибирскаго корпуса), изъ Петербурга въ Москву, на почтовыхъ

лошадяхъ, впереди головныхъ эшелоновъ легкой гвардейской кавалеріи. Объ этой поѣздкѣ нашей, походѣ гвардіи, пребываніи ея въ Москвѣ, коронаціи, празднествахъ ея и обратномъ походѣ будетъ разсказано мною въ слѣдующей главѣ.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

IV [1]).

Походъ части гвардіи въ Москву на коронацію.—Коронація, празднества и обратный походъ гвардіи въ Петербургъ.

1826 г.

Послѣ погребенія тѣла покойнаго императора Александра Павловича, дѣятельно продолжались уже до того начавшіяся приготовленія къ походу части гвардіи въ Москву, на коронацію императора Николая Павловича. Для этого назначены были 1-е баталіоны полковъ 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, 1-е дивизіоны полковъ 1-й кирасирской дивизіи (кавалергардскаго, л.-г. коннаго, л.-г. кирасирскаго Его Величества и лейбъ-кирасирскаго Ея Величества) и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи (л.-г. драгунскаго, уланскаго, гусарскаго и конноегерскаго), л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, л.-г. конно-піонерный эскадронъ, дивизіонъ л.-г. казачьяго полка, старшія батарейныя батареи л.-г. 1-й и 2-й артиллерійскихъ бригадъ и л.-г. конной артиллеріи батарейная батарея и легкая № 1, всего 10 баталіоновъ, 19 эскадроновъ и 4 батареи (32 орудія), всѣ въ полномъ комплектѣ людей, около 10,000 ч. пѣхоты, 2,350 ч. кавалеріи и 400 ч. артиллеріи, всего около 13,000 ч. Они, въ общемъ составѣ своемъ, получили названіе «Московскаго отряда гвардейскаго корпуса», подъ начальствомъ в. к.

---

[1] См. „Русская Старина“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890.

Михаила Павловича. Начальникомъ штаба былъ назначенъ командиръ л.-г. сапернаго баталіона, флигель-адъютантъ полковникъ Геруа, оберъ-квартирмейстеромъ—гвардейскаго генеральнаго штаба полковникъ князь Михаилъ Михайловичъ Голицынъ 2-й (пріѣхавшій позже въ Москву изъ-заграницы), а дежурнымъ штабъ-офицеромъ флигель-адъютантъ полковникъ Кокошкинъ. Частными начальниками были назначены: баталіоновъ 1-й дивизіи—г.-а. Исленьевъ, 2-й — г.-а. Мартыновъ, дивизіоновъ дивизій: 1-й кирасирской г.-а. Орловъ, легкой кавалерійской—г.-а. Чичеринъ, а артиллеріи—г.-а. Сухозанетъ.

Сверхъ Московскаго отряда гвардейскаго корпуса, въ Москву на коронацію назначены были весь гренадерскій корпусъ, квартировавшій въ Новгородской губерніи, и 1-я уланская дивизія г.-л. князя Хилкова, квартировавшая въ Тверской губерніи. Гвардія, гренадеры и уланы имѣли составить «сводный гвардейскій и гренадерскій корпусъ», надъ начальствомъ генерала-отъ-инфантеріи графа Петра Александровича Толстаго; начальникомъ штаба этого корпуса былъ назначенъ начальникъ штаба гвардейскаго корпуса, г.-а. Нейдгартъ, а оберъ-квартирмейстеромъ — флигель-адъютантъ полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ 1-й.

Мнѣ, съ штабсъ-капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба Жемчужниковымъ, назначено было ѣхать на почтовыхъ лошадяхъ впереди головныхъ эшелоновъ гвардейскихъ: легкой кавалеріи и кирасировъ, съ конною артиллеріей, для составленія на каждомъ этапѣ, назначенномъ для ночлега или дневки, въ раіонѣ его, дислокацій и квартирныхъ росписаній на тѣсныхъ квартирахъ. Послѣ первыхъ трехъ мѣсяцовъ моихъ служебныхъ занятій по части генеральнаго штаба, въ Петербургѣ, это былъ первый походъ мой въ Россіи, въ мирное время, и первая практика моя въ составленіи походныхъ квартирныхъ росписаній. А первымъ и отличнымъ наставникомъ и руководителемъ моимъ въ этомъ былъ, къ счастію для меня, Жемчужниковъ, знающій и опытный офицеръ, весьма искусный въ съемкѣ и черченіи ситуаціи, и сверхъ того прекрасный товарищъ и пріятный спутникъ. Я уже и прежде въ Петербургѣ сблизился съ нимъ, а въ этомъ походѣ еще болѣе и надолго потомъ сдружился съ нимъ. Я отправился съ нимъ изъ Петербурга 31 марта, на 5-й недѣлѣ великаго поста, въ данной мнѣ родителями моими 2-хъ мѣстной колескѣ, на почтовыхъ лошадяхъ. При насъ были два, его и мой, служителя и топографъ гвардейскаго штаба. Московское шоссе въ это время было уже почти совершенно докончено на всемъ пути, только нѣкоторые мосты еще достроивались и около нихъ были устроены

временные, объѣздные. Но для прослѣдованія войскъ, двора и Петербургскихъ властей, вездѣ на шоссе дѣятельно производились окончательныя работы. Жемчужниковъ и я останавливались и ночевали на каждомъ этапѣ, назначенномъ для ночлега или дневки войскъ, и при содѣйствіи уѣздныхъ полицій и городскихъ или сельскихъ властей, составляли дислокаціи и квартирныя росписанія, съ приложеніемъ небольшихъ квартирныхъ карточекъ, въ 2-хъ экземплярахъ, одинъ—для хлѣбопековъ и квартиргеровъ, а другой—для мѣстныхъ властей, которымъ и сдавали оба подъ росписки. Затѣмъ мы отправлялись на слѣдующій этапъ, гдѣ дѣлали тоже самое, и такъ далѣе до Москвы. Но въ городахъ, въ которыхъ были назначены дневки, мы оставались и по 2—3 дня: такъ, первый день Свѣтлаго Христова Воскресенія, 18 апрѣля, мы провели въ Валдаѣ; въ Торжкѣ видѣли проѣздъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ каретѣ, съ ея лейбъ-гусарами на козлахъ и запяткахъ, и съ ея свитой въ экипажахъ позади, въ сопровожденіи почетнаго конвоя отъ квартировавшаго въ городѣ 1-го полка 1-й уланской дивизіи—Владимірскаго. Командиръ его, полковникъ Дохтуровъ (сынъ генерала 1812 года), и жена его были знакомы съ моими родителями, и я съ Жемчужниковымъ были и обѣдали у нихъ. Точно также въ Твери мы представлялись г.-л. князю Хилкову и обѣдали у него, который и жена его также были коротко знакомы съ моими родителями. Наконецъ, 7 мая, на 38-й день послѣ отъѣзда изъ Петербурга, мы пріѣхали въ Москву, совершивъ, въ прекрасную весеннюю погоду, съ ясными и теплыми днями, по новому отличному шоссе, пріятнѣйшее во всѣхъ отношеніяхъ путешествіе. По прибытіи въ Москву, я остановился въ бывшемъ до 1822 г. домѣ моего отца, въ Газетномъ переулкѣ, между Петровкой и Никитской, позади Большаго театра, а съ 1822 г. принадлежавшемъ уже женѣ старшаго брата моего; Жемчужниковъ же помѣстился въ недальнемъ оттуда разстояніи на Тверской, близъ дома военнаго генералъ-губернатора (генерала-отъ-кавалеріи князя Дмитрія Владиміровича Голицына), въ большомъ домѣ Демидова, назначенномъ для помѣщенія штаба Московскаго отряда гвардейскаго корпуса и всѣхъ чиновъ его. Въ домѣ, гдѣ я остановился, помѣстились также двое старшихъ братьевъ моихъ, прибывшихъ съ батареями л.-г. конной-артиллеріи, старшій братъ мой съ своею женою и семейство гр. С. В. С—ой. Мы, трое младшихъ братьевъ, заняли тѣ самые покои въ верхнемъ этажѣ, въ которыхъ жили до отъѣзда нашего въ Петербургъ и опредѣленія въ Царскосельскій лицейскій пансіонъ.

Въ теченіи мая всѣ войска Московскаго отряда гвардейскаго кор-

пуса вступили въ Москву и были расквартированы въ разныхъ частяхъ ея, въ казармахъ, или по обывательскимъ домамъ. Съ прибытіемъ ихъ начались: съ ихъ стороны — гарнизонная служба и учебныя занятія, а со стороны штаба ихъ — штабныя занятія и служба, тѣ и другія—какъ въ Петербургѣ. Я ходилъ въ штабъ въ домѣ Демидова, бо́льшею частію на дежурство, такъ какъ штатной должности не имѣлъ; начальниками же отдѣленій квартирмейстерской части были тѣ же, что и въ Петербургѣ, Чевкинъ и Траскинъ, (но съ августа Чевкинъ уже поступилъ въ канцелярію Дибича и послѣ коронаціи отправился съ нимъ въ Тифлисъ, по случаю войны съ Персіей; Траскинъ же сталъ завѣдывать обоими отдѣленіями). Штабъ нашъ занималъ весь бель-этажъ дома Демидова, изъ одной большой залы, одной комнаты 4-хъ отдѣленій дежурства и кабинета начальника штаба, всѣ окнами на Тверскую. Траскинъ имѣлъ квартиру на противуположномъ концѣ залы, а всѣ прочіе чины штаба (кромѣ меня) занимали квартиры въ 3-мъ этажѣ, окнами на Тверскую и на дворъ. Изъ нихъ, на квартирѣ Жемчужникова и поручика гвард. генер. штаба Ивана Ѳедоровича Веймарна 2-го (впослѣдствіи начальника штаба гвардейскаго корпуса) ежедневно собирались почти всѣ офицеры гвард. генер. штаба и квартирмейстерской части, состоявшіе какъ при императорской главной квартирѣ, такъ и при штабахъ своднаго корпуса и гвардейскаго отряда. Тутъ я впервые ознакомился съ весьма многими, собравшимися въ Москвѣ, представителями тогдашняго генеральнаго штаба нашего, происходившими (за исключеніемъ Веймарна, Чевкина, Траскина и меня) изъ «одного и того же гнѣзда»—Московскаго - Муравьевскаго и потомъ Петербургскаго училища колонновожатыхъ. Поэтому между ними былъ общій товарищескій духъ (esprit de corps), притомъ очень благородный и самостоятельный. Всѣ они были изъ хорошихъ дворянскихъ фамилій, люди благовоспитанные и образованные, и хорошіе, знающіе и опытные офицеры генеральнаго штаба, особенно искусные въ съемкѣ, черченіи и картографіи. Изъ числа ихъ назову гвард. генер. штаба штабсъ-капитана Павла Алексѣевича Тучкова (пріятеля Жемчужникова и моего), поручика Кожевникова (острякa, шутника и забавника всего генеральнаго штаба) и подпоручика Искрицкаго (также очень остроумнаго). Когда они собирались, то это была, подлинно, «превеселая компанія» и въ обществѣ ихъ время проходило очень пріятно.

Государь, обѣ императрицы, прочіе члены императорской фамиліи и чины двора прибыли (не помню котораго именно числа іюня) въ Петровскій дворецъ, на шоссе близъ Тверской заставы, гдѣ и

оставались до торжественнаго въѣзда въ Москву 25 іюля (см. ниже). Въ то же время въ Москву собирались многіе иностранные принцы, постоянный дипломатическій корпусъ при русскомъ дворѣ, чрезвычайные, по случаю коронаціи, послы и посланники иностранныхъ правительствъ, съ многочисленными при нихъ чинами ихъ посольствъ, представители русскихъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій, и множество иностранцовъ со всей Европы и русскихъ со всѣхъ концовъ Россіи. Въ іюнѣ вся Москва, какъ ни обширна, уже переполнилась ими и представляла съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе оживленное зрѣлище. Самые большіе и лучшіе барскіе дома въ ней уже заблаговременно были наняты иностранными чрезвычайными послами, особенно великобританскимъ богатымъ лордомъ Девонширомъ и французскимъ маршаломъ Мармонтомъ, герцогомъ Рагузскимъ, (изъ которыхъ перваго, по увѣренію шутниковъ, особенно изъ гвардіи, московскіе барыни будто бы называли герцогомъ «Дебоширомъ», а втораго «герцогомъ сиракузскимъ»). И въ этихъ домахъ, какъ и во многихъ другихъ русскихъ барскихъ, дѣлались уже огромныя и роскошныя приготовленія къ празднествамъ коронаціи.

Надо сказать, что весна и особенно лѣто 1826 г. были очень жаркія, лѣто даже знойное и съ частыми, нерѣдко очень сильными грозами. Въ эти-то жары, въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ, войска своднаго корпуса производили постепенно, по порядку, и свои домашнія, частныя, и, въ высочайшемъ присутствіи государя, малыя и большія линейныя ученья, бо́льшею частью на Ходынскомъ полѣ, при сильнѣйшей отъ засухи пыли. Въ этихъ ученьяхъ принимали участіе, по обязанности, и офицеры генеральнаго штаба, за исключеніемъ тѣхъ, которыхъ (въ томъ числѣ и меня) два раза, въ іюнѣ и іюлѣ, посылали на глазомѣрную съемку окрестностей Москвы, для предполагавшихся маневровъ. Меня, съ нѣкоторыми другими, сначала послали на Дмитровскую, дорогу, а потомъ на Калужскую. Будучи неопытенъ въ производствѣ глазомѣрной съемки, первую я произвелъ неудовлетворительно, но вторую успѣшнѣе и лучше. Съемка эта была для меня тѣмъ труднѣе, что я жилъ одинъ въ деревнѣ моего раіона и не имѣлъ опытнаго наставника и руководителя. Помню только, что мнѣ впервые на съемкѣ пришлось пѣшкомъ расхаживать по полямъ, подъ нестерпимымъ зноемъ, и часто бывать застигнутымъ ливнями и даже грозами и возвращаться промокшимъ до костей. А въ доказательство, какія въ то лѣто бывали страшныя грозы, приведу въ примѣръ одну изъ нихъ, случившуюся, по счастію, когда я былъ не въ полѣ, а дома, на квартирѣ, въ той деревнѣ, гдѣ стоялъ съ бывшимъ при мнѣ служителемъ. Среди дня все небо обложилось густыми и черными

тучами, висѣвшими надъ головою такъ низко, что, казалось, можно было достать ихъ рукою. Разразилась сильнѣйшая гроза, съ безпрестанными и одновременными: ослѣплявшею молніей и оглушавшимъ громомъ. Чтобы не имѣть на себѣ ничего металлическаго и не оставаться въ тѣсной избушкѣ, я снялъ съ себя всю одежду и сталъ расхаживать подъ навѣсомъ крестьянскаго двора, гдѣ жилъ. Признаться сказать, гроза была такъ сильна и жестока, что я не совсѣмъ хладнокровно разгуливалъ подъ навѣсомъ. Но вотъ гроза стала удаляться справа на лѣво, какъ вдругъ вѣтеръ перемѣнился и она снова пошла слѣва на право и съ тою же силою, и это чуть-ли не до трехъ разъ! Есть страстные охотники любоваться грозами, даже на открытымъ воздухѣ; но я, вовсе не принадлежавъ къ ихъ числу, провелъ подъ навѣсомъ очень некрасивые часа два, пока гроза не утихла совершенно. Чтожъ было бы со мною, еслибы она застигла меня среди поля! Изъ двухъ бѣдъ меньшее есть лучшее—и я счелъ себя счастливымъ, что былъ въ это время дома, подъ навѣсомъ. А про ливень, сопровождавшій эту страшную грозу, и говорить нечего: это была сплошная стѣна воды, извергавшаяся, какъ водопадъ, изъ черныхъ тучъ! Такой грозы и такого ливня я никогда, ни прежде, ни потомъ, не видывалъ! Эта гроза и другія подобныя ей, бывшія въ то же лѣто, много бѣдъ надѣлали въ Москвѣ и ея окрестностяхъ. И такимъ образомъ, начавъ мою службу «очень холодно», я въ томъ же году продолжалъ ее уже «слишкомъ тепло».

До въѣзда государя 25-го іюля, въ Москву, въ іюнѣ и іюлѣ вообще занятія войскъ гвардіи были совершенно того же рода и въ томъ же порядкѣ, что и въ Петербургѣ,—на Ходынскомъ полѣ, очень рано—въ 6 и даже 5 часовъ—по причинѣ сильныхъ жаровъ, и въ страшной пыли, отъ которой, какъ и отъ жары, можно было задохнуться. Я, по обязанности, присутствовалъ на всѣхъ большихъ ученьяхъ верхомъ на лошади, а такъ какъ верховыя лошади наши—насъ троихъ братьевъ—находились при батареяхъ л. г. конной артиллеріи, квартировавшихъ у Прѣсненскихъ прудовъ, близь Тверской заставы и Ходынскаго поля, то мы, трое братьевъ, и отправлялись туда за часъ или и болѣе изъ дому, отъ котораго нужно было проѣхать черезъ весь городъ. По пріѣздѣ нашемъ, мы уже находили лошадей нашихъ осѣдланными, и братья мои выступали съ своими батареями на Ходынское поле, а я отправлялся туда же къ войскамъ—«состоять при» томъ, либо другомъ изъ двухъ оберъ-квартирмейстеровъ князей Голицыныхъ. Послѣ 2-хъ-3-хъ часовъ ученій, часамъ къ 8-ми они оканчивались и мы, трое братьевъ, тѣмъ же порядкомъ, но только истомленные жаромъ и скачкой и покрытые пылью, возвращались домой.

переодѣвались, умывались, пили чай и заваливались спать. Остальное время дня, если оно было свободно отъ служебныхъ обязанностей, мы проводили въ посѣщеніи родныхъ и знакомыхъ, на обѣдахъ, вечерахъ или въ театрахъ, на русскихъ, французскихъ, итальянскихъ или балетныхъ представленіяхъ, въ большомъ театрѣ, (который къ 1826 г. былъ совершенно возстановленъ и возобновленъ, и балетная труппа была многочисленная и отличная). Каждый день была «масляница» и пиръ горой, такъ что гвардейскіе офицеры и братья мои нерѣдко съ баловъ прямо отправлялись на раннія утреннія ученья. Но я не имѣлъ особенной склонности и охоты къ свѣтскимъ увеселеніямъ, а ограничивался лишь посѣщеніемъ родныхъ и знакомыхъ, обѣдами у нихъ или по сосѣдству, на Кузнецкомъ мосту, во французскомъ ресторанѣ Яра, пользовавшемся особенною извѣстностью по своему отличному столу и усердно посѣщаемомъ гвардейскими офицерами. Вечера же я большею частью проводилъ либо въ театрѣ, либо дома. Такого рода препровожденіе времени въ іюнѣ и іюлѣ, раздѣляемое между ученьями войскъ, служебными занятіями въ штабѣ и посѣщеніями родныхъ, знакомыхъ и театровъ, для меня два раза разнообразилось съемками въ окресностяхъ Москвы, недѣли по двѣ на каждой, какъ сказано было выше. Но все это было, такъ сказать, только введеніемъ къ торжествамъ коронаціи, а самое горячее время наступило въ половинѣ іюля, когда начались приготовленія къ торжественному въѣзду государя въ Москву, послѣ чего вся придворная и военная дѣятельность уже сосредоточилась преимущественно въ Кремлѣ.

Задолго до дня въѣзда, въ обоихъ штабахъ дѣлались приготовленія къ размѣщенію войскъ отъ Петровскаго дворца и Тверской заставы до Кремля и дворцовъ въ немъ. Офицеры же генеральнаго штаба (въ томъ числѣ и я) нѣсколько разъ разставляли на всемъ пути примѣрно, а въ самый день въѣзда, 25 іюля, окончательно, линейныхъ унтеръ-офицеровъ. Когда же войска заняли свои мѣста, то я, верхомъ, находился при тѣхъ, которыя были расположены отъ Петровскаго дворца до Тверской заставы, именно: 1-й уланской дивизіи князя Хилкова, по правую, отъ дворца къ заставѣ, сторону шоссе. Поэтому я видѣлъ всю процессію, отъ начала до конца, отлично, и когда она вся прослѣдовала, я поѣхалъ вслѣдъ за заднимъ кавалерійскимъ конвоемъ, среди густой пыли, по всей Тверской, но до Кремля не ѣздилъ, а свернулъ отъ нашего штаба на Тверской домой. Поэтому я не былъ свидѣтелемъ того, что происходило при въѣздѣ въ Кремль и въ самомъ Кремлѣ, но, сколько помню, государь и императрицы останавливались у часовни Иверской иконы

Божіей Матери и прикладывались къ этой иконѣ, но входили-ли въ Кремлевскіе соборы—не знаю.

Послѣ того, въ слѣдующіе дни, на разводной площадкѣ передъ Чудовымъ монастыремъ и дворцомъ возлѣ него, гдѣ имѣли пребываніе государь и императрицы, ежедневно происходили разводы отъ гвардейской пѣхоты, въ присутствіи государя, иностранныхъ принцовъ и пословъ, свиты ихъ и большаго числа генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ. Разъ въ Кремлѣ, на площади, былъ также церковный парадъ гвардіи, съ молебствіемъ, въ какой день и по какому случаю—не помню, но въ памяти моей остался одинъ забавный случай на этомъ парадѣ. Въ то самое время, когда служилось молебствіе и, среди величайшей тишины, слышалось только церковное пѣніе, нашъ небольшой кружокъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба: Чевкинъ, Траскинъ, я и др., съ княземъ М. М. Голицынымъ 2-мъ въ главѣ, всѣ верхомъ на лошадяхъ, стояли между войскъ нѣсколько поодаль и не на виду. Вдругъ—на сосѣдней Спасской башнѣ боевые часы начали протяжно бить 12 часовъ, и съ каждымъ ударомъ колокола ихъ, бѣлый конь Чевкина, съ изогнутой шеей, поднималъ правую переднюю ногу и билъ ею, въ тактъ съ колоколомъ, о мостовую! Всѣмъ намъ это показалось очень забавнымъ, а князь М. М. Голицынъ, большой охотникъ пошутить, еще болѣе разсмѣшилъ насъ, пресерьозно спросивъ Чевкина: «C'est sans doute un cheval savant, élève d'un cirque?»—Но у Чевкина за отвѣтомъ дѣло не ставало—и онъ на остроту князя Голицына отвѣчалъ своею.

Въ Чудовскомъ дворцѣ бывали также представленія гвардейскихъ генераловъ, штабъ- и оберъ-офицеровъ иностраннымъ принцамъ, между прочимъ, принцу Карлу прусскому, брату императрицы Александры Ѳедоровны, бывшему тогда молодымъ человѣкомъ 27 лѣтъ и очень веселаго нрава. При этомъ представленіи, генералы стояли впереди и принцъ Карлъ говорилъ, съ иными, изъ нѣмцовъ, по нѣмецки, а съ другими по французски. Тутъ—какъ потомъ разсказывали шутники изъ гвардейскихъ офицеровъ—будто-бы произошло слѣдующее: случилось, что стояли рядомъ три генералъ-адъютанта 14-го декабря 1825 года, которыхъ называли «русскою тройкой удалою», именно: Воропановъ, Арбузовъ и Мартыновъ. Принцъ спрашиваетъ что-то по-французски у перваго: тотъ кланяется — и безмолвствуетъ; принцъ спрашиваетъ втораго: этотъ кланяется и, указывая пальцемъ на сосѣда, говоритъ по русски: «вотъ онъ знаетъ!» Наконецъ принцъ спрашиваетъ у третьяго (Мартынова): «êtes-vous marié, général?»— и слышитъ отвѣтъ: «энъ пэ!» (un peu!) Изобрѣли-ли это скалозубы или же пріукрасили дѣйствительно бывшее нѣчто подобное—не знаю,

но разсказъ этотъ ходилъ тогда между гвардейскими офицерами и возбуждалъ много смѣху. Къ нему можно кстати примѣнить итальянскую поговорку: «se non è vero, è ben trovato» (если не вѣрно, то хорошо выдумано). И дѣйствительно, для тѣхъ, которые знали эту «тройку удалую», особенно удивительнаго въ этомъ разсказѣ ничего нѣтъ.

Сходно съ обычнымъ порядкомъ занятій гвардіи въ Красносельскомъ лагерѣ, и въ Москвѣ, съ 27 іюля до 6-го и, кажется, даже до 13-го августа, происходили, въ присутствіи государя и всѣхъ иностранныхъ принцовъ, пословъ и ихъ свитъ, смотры и линейныя ученья войскъ гвардіи и гренадеровъ на Ходынскомъ полѣ и маневры въ ближайшихъ окрестностяхъ Москвы. Но подробностей ихъ не припомню. Съ 14-го же до 22-го августа—дня коронаціи—войскамъ данъ былъ роздыхъ.

14-го августа прибылъ въ Москву изъ Варшавы великій князь цесаревичъ Константинъ Павловичъ и по прибытіи пріѣхалъ къ государю во дворецъ. По этому случаю разсказывали, что государю, занятому въ своемъ кабинетѣ дѣлами, доложили, что «пріѣхалъ великій князь». Государь, думая, что это былъ в. к. Михаилъ Павловичъ, велѣлъ сказать, что онъ занятъ и проситъ подождать. В. к. Константинъ Павловичъ ждетъ, но нетерпѣливо, и, наконецъ, приказываетъ снова доложить о себѣ. Тогда уже государь, узнавъ, что это былъ не в. к. Михаилъ Павловичъ, а цесаревичъ Константинъ Павловичъ, поспѣшно вышелъ на встрѣчу ему съ извиненіями, и войдя съ нимъ въ свой кабинетъ, имѣлъ первое свиданіе и личное объясненіе съ нимъ послѣ смерти императора Александра Павловича и событій 14-го декабря 1825 г.

На предшествовавшей же коронаціи недѣлѣ, генеральный штабъ (и въ томъ числѣ я) снова разставлялъ, сначала примѣрно, а 22-го августа утромъ окончательно, линейныхъ унтеръ-офицеровъ войскъ гвардіи у Кремлевскихъ соборовъ и на Кремлевскихъ площадяхъ, во время торжества коронаціи. На Красномъ крыльцѣ и вдоль обитыхъ краснымъ сукномъ ходовъ между соборами были разставлены пѣшіе чины кавалергардскаго полка, а за ними на площади между соборами—гвардейскіе баталіоны по старшинству полковъ; всѣ остальныя же войска гвардіи, пѣхота и кавалерія—на площадяхъ за соборами, а артиллерія, для стрѣльбы—на краю верхней набережной на Кремлевской горѣ.

День 22 августа, въ воскресенье, съ утра былъ ясный, солнечный и очень жаркій. Къ 10 ч. войска стояли на своихъ мѣстахъ, а я, не имѣя опредѣленнаго мѣста и любопытствуя видѣть торжествен-

ное шествіе по Красному крыльцу въ Успенскій соборъ и изъ него, по окончаніи въ немъ обряда коронованія и литургіи—въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и обратно по Красному крыльцу, въ Грановитую палату, успѣлъ занять отличное для того мѣсто за кавалергардами, у самаго входа въ южныя двери Успенскаго собора. И я былъ такъ счастливъ, что отлично видѣлъ все это шествіе на самомъ близкомъ разстояніи и даже отчасти то, что происходило внутри Успенскаго собора, между иконостасомъ и двумя передними столбами—сквозь желѣзныя рѣшетчатыя двери, замкнутыя какъ только все шествіе, по церемоніалу, вступило въ соборъ. Того же, что происходило въ соборѣ лѣвѣе, посреди его, мнѣ, къ сожалѣнію, невозможно было видѣть. Но я былъ счастливъ и тѣмъ, что могъ видѣть внутри и особенно внѣ собора.

По окончаніи обряда коронаціи, начался колокольный звонъ и пушечная пальба, а затѣмъ послѣдовала въ соборѣ литургія, совершенная всѣми членами св. синода соборно, при чемъ государь и государыня пріобщились Св. Таинъ. По окончаніи же литургіи, двери собора были раскрыты и послѣдовало по церемоніалу торжественное шествіе въ Архангельскій и Благовѣщенскій соборы и черезъ Красное крыльцо въ Грановитую палату, при колокольномъ звонѣ и пушечной пальбѣ. Тутъ я, стоя позади кавалергардовъ у южныхъ дверей Успенскаго собора, видѣлъ все шествіе въ самомъ близкомъ разстояніи. Государь и государыня, въ царскихъ коронахъ, порфирахъ и всѣхъ регаліяхъ, шествовали, государь—впереди, государыня—позади, подъ особенными, богатыми балдахинами, оба молодые (государь—30-ти лѣтъ, государыня—28-ми), во всей величественной красѣ ихъ, онъ—мужественной, а она—женственной! Это торжественное шествіе, при церковномъ пѣніи, всеобщемъ въ Кремлѣ и по всей Москвѣ колокольномъ звонѣ, военной музыкѣ, пушечной пальбѣ, крикахъ «ура!» войскъ и многочисленнаго народа и великолѣпной, солнечной погодѣ, составляло такое величественное цѣлое, которое возбуждало глубокое чувство восторга и навсегда осталось у меня въ памяти! Все торжество коронаціи, отъ начала шествія въ Успенскій соборъ до возвращенія его въ Грановитую палату, продолжалось часа три (отъ 10 до 1 часу), а въ 3 или 4 часа по полудни въ Грановитой палатѣ былъ парадный обѣдъ, въ которомъ участвовали государь, государыня, вся императорская фамилія, высшіе придворные и государственные чины и иностранные послы. Къ вечеру вся Москва была великолѣпно иллюминована, особенно Кремль, Красная площадь, Тверская улица, бульвары и главныя улицы; вездѣ гремѣла военная музыка, и вся Москва была на улицахъ, и въ экипажахъ,

и пѣшкомъ. Многія общественныя зданія и частные дома были особенно великолѣпно, или оригинально, или замысловато иллюминованы, и далеко за полночь толпился передъ ними и на улицахъ народъ.

Съ слѣдующаго дня 23 августа начался и цѣлый мѣсяцъ продолжался непрерывный рядъ празднествъ по случаю коронаціи, и при дворѣ, и въ общественныхъ мѣстахъ и зданіяхъ, и у иностранныхъ пословъ, и у русскихъ знатныхъ и богатыхъ вельможъ. Въ какомъ порядкѣ они слѣдовали одно за другимъ—не припомню, а назову только замѣчательнѣйшія, на которыхъ я присутствовалъ. Прежде всего слѣдуетъ упомянуть объ обычномъ народномъ праздникѣ на Дѣвичьемъ полѣ, вдоль котораго были установлены длинные ряды столовъ съ различными яствами, и близъ нихъ цѣлые жареные быки и фонтаны вина, и пр., на которые, по прибытіи государя, государыни, императорской фамиліи, двора, иностранцовъ и ихъ свитъ, по данному сигналу, многочисленный народъ мигомъ бросился и разомъ поднялъ все на ура! Затѣмъ въ громадномъ экзерциргаузѣ, великолѣпно убранномъ внутри, городъ давалъ парадный обѣдъ, на которомъ присутствовали всѣ генералы и всѣ офицеры гвардіи. Въ Большомъ театрѣ и Дворянскомъ Собраніи были великолѣпные балы, при огромномъ стеченіи народа, богатѣйшемъ убранствѣ залъ, блистательномъ освѣщеніи, блескѣ мужскихъ и особенно женскихъ нарядовъ и чудесной музыкѣ придворнаго бальнаго оркестра. Эти и всѣ послѣдовавшіе балы открывались, обыкновенно, польскимъ изъ оперы Россини «Эрміона», прекрасный, торжественный мотивъ котораго до сихъ поръ какъ бы звучитъ въ моихъ ушахъ! Польскій открывали, обыкновенно, государь и за нимъ государыня, а затѣмъ слѣдовали разнообразные бальные танцы, преимущественно французскія кадрили. Въ послѣднихъ принимала участіе и государыня, любившая танцовать и танцовавшая необыкновенно граціозно. Изъ числа кавалеровъ, которыхъ она удостоивала чести танцовать съ нею, припоминаю молодыхъ и ловкихъ танцоровъ: камергера Хрущова, служившаго прежде л.-г. въ Преображенскомъ полку, и этого же полка полковника Есипова. Балы эти начинались не поздно—часовъ въ 9 или 10; около полуночи былъ парадный и роскошный ужинъ, послѣ котораго императорская фамилія удалялась, но танцы продолжались до разсвѣта. Изъ другихъ баловъ, на которыхъ я присутствовалъ, назову данные послами: великобританскимъ, герцогомъ Девонширомъ и французскимъ, маршаломъ Мармонтомъ, герцогомъ Рагузскимъ, старикомъ и богачомъ княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, въ его огромномъ барскомъ домѣ, и графинею Анною Алексѣевною Орловою-Чесменскою въ ея великолѣпномъ

домѣ, съ большимъ паркомъ, въ Нескучномъ, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки, на краю города. Я не стану распространяться о пышности и великолѣпіи этихъ баловъ: всѣ они и дававшіе ихъ, казалось, хотѣли превзойти одинъ другаго въ богатствѣ, вкусѣ и изяществѣ. Они разнообразились лишь въ частности, помѣщеніемъ, убранствомъ и т. п., и каждый имѣлъ какія-нибудь свои особенныя черты; но вообще очень походили одинъ на другой. Скажу лишь нѣсколько словъ о каждомъ. Балъ у герцога Девоншира, богатѣйшаго тогда члена англійской аристократіи, особенно отличался богатствомъ во всемъ: въ убранствѣ бальной залы и всѣхъ покоевъ, особенно столовой и буфетовъ, золотою и серебряною посудой и т. п. Самъ герцогъ Девонширъ, высокій ростомъ и статный человѣкъ среднихъ лѣтъ, любилъ танцовать, особенно мазурку, и танцовалъ очень оригинально, какъ истый англичанинъ. Маршалъ Мармонтъ нанималъ большой барскій домъ Шепелева, имѣлъ при себѣ большую военную и дипломатическую свиту и задалъ балъ также на славу. По поводу этого бала припоминаю очень забавный случай: приглашенія на этотъ балъ, какъ и на балъ герцога Девоншира и на всѣ другіе, дѣлались заблаговременно, посредствомъ разсылаемыхъ или выдаваемыхъ желавшимъ лично, изящныхъ пригласительныхъ именныхъ билетовъ, и приглашеннымъ лицамъ велись списки. У маршала Мармонта это было поручено его адъютантамъ. Однажды, передъ баломъ, одна дама, по фамиліи г-жа Коробьина, возвратила полученный ею пригласительный билетъ, съ увѣдомленіемъ, что она, по какой-то причинѣ, быть не можетъ.—«Ma foi!»—сказалъ дежурный адъютантъ съ обычнымъ французскимъ остроуміемъ—«nous allons la rayer de la liste: ce sera une carabine rayée!» (нарѣзной карабинъ) [1]). Вообще нужно сказать, что военный штабъ маршала Мармонта, состоявшій изъ отборныхъ генераловъ, штабъ-и оберъ-офицеровъ французской арміи, изъ лучшихъ французскихъ фамилій, былъ подлинно блистательный, какъ французы говорятъ — brillant état-major, а самъ Мармонтъ, сподвижникъ Наполеона I, былъ замѣчательною военно-историческою личностью. (Позже, послѣ іюльской революціи, первымъ посломъ Людовика-Филиппа при нашемъ дворѣ былъ другой, столь же замѣчательный маршалъ Наполеона I—Мортье).

Князь Николай Борисовичъ Юсуповъ былъ однимъ изъ немно-

[1]) Независимо отъ французскаго каламбура, это замѣчательно еще и тѣмъ, что у французовъ уже тогда было нарѣзное огнестрѣльное оружіе. А лѣтъ 5 послѣ того, у нихъ явились уже и первые стрѣлки—Венсенскіе (chasseurs de Vincennes). Кн. Н. Г.

гихъ тогда старинныхъ русскихъ вельможъ, представителей временъ Екатерины, и однимъ изъ первыхъ богачей Россіи. Сынъ его, князь Борисъ Николаевичъ, среднихъ лѣтъ, въ это время сватался или былъ женихомъ 17-ти-лѣтней красавицы Зинаиды Нарышкиной, впослѣдствіи, по смерти его, во 2-мъ бракѣ, графинею Шово-де-Серръ. Балъ, данный княземъ Николаемъ Борисовичемъ Юсуповымъ, былъ богатъ, какъ онъ, но и еще болѣе — оригиналенъ, какъ и самъ онъ.

Наконецъ, балъ, данный графинею Орловою-Чесменскою въ Нескучномъ, также вполнѣ соотвѣтствовалъ богатству ея, но притомъ былъ соединенъ съ большимъ вкусомъ во всемъ. Большая зала была убрана и освѣщена великолѣпно, а для ужина была нарочно пристроена огромная галлерея, и всѣ столы убраны золотою и серебряною посудой.

Вообще богатство, роскошь и великолѣпіе этихъ и всѣхъ другихъ баловъ и празднествъ, по случаю коронаціи императора Николая Павловича и императрицы Александры Ѳедоровны, были свыше всякихъ выраженій и всякаго описанія. Въ нихъ было какъ бы нѣчто волшебное и чарующее, какъ въ разсказахъ «тысячи и одной ночи», хотя они продолжались гораздо менѣе времени—всего только едва одинъ мѣсяцъ (въ концѣ сентября все уже было кончено, гвардія стала выступать изъ Москвы въ обратный походъ въ Петербургъ, а государь и государыня воротились туда уже 9 октября).

По поводу всѣхъ этихъ баловъ и празднествъ, я долженъ прибавить еще, что на нихъ было множество замѣчательныхъ красавицъ, изъ которыхъ назову: княжну Софію Александровну Урусову (впослѣдствіи княгиня Радзивилъ), фрейлинъ императрицы Маріи Ѳеодоровны: княжну Радзивилъ (впослѣдствіи княгиня Витгенштейнъ), Эйлеръ (впослѣдствіи г-жа Зубова), Россетти (впослѣдствіи г-жа Смирнова), двухъ сестеръ баронессъ Д'Огеръ (впослѣдствіи одна—баронесса Мейендорфъ, а другая—г-жа Сенявина), жену князя Андрея Михайловича Голицына 1-го, княгиню Софію Петровну, урожденную Балкъ-Полеву (которую звали Ревеккой Вальтеръ-Скоттова романа Ivanhoe, по ея прекрасному, классическому, еврейскому облику); многихъ другихъ не припомню.

Послѣ разсказовъ объ упомянутыхъ выше празднествахъ, обѣдахъ, балахъ и т. п. по случаю коронаціи, мнѣ остается разсказать о военномъ торжествѣ—большомъ парадѣ всѣхъ войскъ своднаго гвардейскаго и гренадерскаго корпуса, на Ходынскомъ полѣ, противъ Петровскаго дворца. Это было—дѣйствительно замѣчательное, во всѣхъ отношеніяхъ, военное торжество. Въ строю было, по примѣр-

ному расчету моему: 10 баталіоновъ гвардіи и 54 баталіона гренадеровъ, всего 64 баталіона—около 64 т. ч. пѣхоты; 17 эскадроновъ гвардіи и 24 эскадрона 1-й уланской дивизіи, всего 41 эскадронъ, около 6 т. чел. кавалеріи, 2 пѣшія и 2 конныя батареи гвардіи и 9 пѣшихъ и 2 конныя батареи полевой артиллеріи, всего 15 батарей, 120 орудій и около 2000 ч., а всего всѣхъ, съ генералами и офицерами, около 80 т. войскъ. Они были построены въ 6 длинныхъ линій, фронтомъ и центромъ противъ дворца, пѣхота—въ четырехъ переднихъ линіяхъ, кавалерія—въ пятой и артиллерія—въ шестой, гвардія—на правыхъ флангахъ, и при прекрасной погодѣ, представляли великолѣпный видъ. Вся Москва собралась любоваться этимъ военнымъ зрѣлищемъ. Государь, сопровождаемый иностранными принцами и послами, и многочисленною, блистательной свитой, объѣзжалъ всѣ линіи галопомъ и, не смотря на то, объѣздъ всѣхъ линій продолжался довольно долго, а прохожденіе войскъ церемоніальнымъ маршемъ—еще долѣе, такъ что парадъ кончился не ранѣе 4 часовъ. Онъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ блистательный, но, къ сожалѣнію, пыль была величайшая. При этомъ замѣчу, что изъ войскъ, бывшихъ на этомъ парадѣ, два года спустя—въ 1828 г. гвардія участвовала со славой въ войнѣ съ Турціей за Дунаемъ, а пять лѣтъ спустя—въ 1831 г. она же и гренадерскій корпусъ, съ величайшей славой—въ войнѣ съ польскими мятежниками въ царствѣ Польскомъ.

По поводу этого парада приведу одинъ забавный случай, героемъ котораго былъ тотъже Кожевниковъ, о которомъ я говорилъ выше. Онъ былъ весьма плохой ѣздокъ на лошади или, лучше сказать, вовсе не умѣлъ, не только ѣздить, но даже и держаться на ней. Случилось, что генералъ-квартирмейстеръ главнаго штаба е. и. в., генералъ-адъютантъ графъ Сухтеленъ поручилъ ему передать какое-то приказаніе войскамъ. «Слушаю-съ!» отвѣчаетъ Кожевниковъ—и слѣзаетъ съ лошади!—«Что вы дѣлаете?»—спрашиваетъ Сухтеленъ.—«Да я скорѣй дойду пѣшкомъ, нежели доѣду на лошади!» отвѣчаетъ Кожевниковъ, при общемъ смѣхѣ, и даже самаго Сухтелена. Подобнаго рода выходокъ, шутокъ, остротъ и т. п. со стороны Кожевникова, этого «лустика» генеральнаго штаба—было безчисленное множество, и они были извѣстны всѣмъ и даже не возбуждали неудовольствія начальства, которое знало и цѣнило Кожевникова, какъ отличнаго офицера генеральнаго штаба, только не на конѣ.

Затѣмъ, прежде нежели покончить съ моимъ разсказомъ о коронаціи, мнѣ остается еще прибавить нѣсколько словъ о театрѣ въ это время. Я уже сказалъ выше, что Большой театръ къ 1826 году былъ совершенно возстановленъ и заново отдѣланъ и украшенъ (въ концѣ

1810-хъ и въ началѣ 1820-хъ годовъ онъ стоялъ обгорѣлый отъ пожара, полуразвалившійся, какъ руина, среди театральной площади). Въ немъ, послѣ коронаціи, былъ парадный спектакль (что̀ давали— не помню) и потомъ большой балъ, а послѣ того давались драматическія и оперныя представленія русской труппы, но особенно балетныя, которыя были особенно хороши. Балетная труппа, за годъ или два передъ тѣмъ пріумножившаяся частною и весьма хорошею балетною труппою изъ крѣпостныхъ людей камергера Григорія Павловича Ржевскаго (двоюроднаго брата графа Каменскаго, въ Ордѣ, имѣвшаго также балетную труппу и оркестръ изъ крѣпостныхъ, и такого же чудака, какъ и Ржевскій), имѣла многихъ отличныхъ солистовъ и солистокъ, и многочисленный, отличный же кордебалетъ. Балетныя представленія привлекали столько публики, что огромный Большой театръ былъ всегда полонъ. Стерхъ того, тутъ же, недалеко, былъ Малый театръ, на которомъ давались представленія итальянскою и французскою труппами. И здѣсь также театръ былъ всегда полонъ. Репертуаръ итальянской оперной труппы состоялъ, конечно, изъ оперъ Россини, тогдашней звѣзды первой величины въ средѣ оперныхъ композиторовъ. Обѣ труппы, итальянская и французская, сколько помню, были очень хороши. Нужно прибавить, что, по случаю коронаціи, въ Москву были присланы изъ Петербурга лучшіе актеры, пѣвцы, танцовщики и танцовщицы изъ труппъ драмматической, русской и французской, оперной итальянской и балетной, которые, воротясь потомъ въ Петербургъ, съ успѣхомъ подвизались на тамошнихъ сценахъ въ Большомъ театрѣ и въ Маломъ, бывшемъ на мѣстѣ нынѣшняго Александринскаго.

Но—кончились всѣ торжества и празднества коронаціи и послѣ знойнаго и грознаго лѣта наступила самая неприглядная осень, съ половины сентября дождливая, сырая, холодная и грязная. Войска гвардіи и гренадеровъ начали выступать, первыя — въ Петербургъ, вторыя—на свои постоянныя квартиры въ Новгородской и уланы въ Тверской губерніяхъ. Но я уже не слѣдовалъ въ головѣ гвардіи, а ѣхалъ съ штабомъ, на почтовыхъ лошадяхъ, изъ одного города на пути въ другой. Я ѣхалъ уже не съ Жемчужниковымъ, а съ Траскинымъ, въ моей коляскѣ, вслѣдъ за Геруа, Кокошкинымъ, княземъ М. М. Голицынымъ 2-мъ, Кожевниковымъ и другими чинами штаба. Это обратное путешествіе, въ дождь и грязь, было совершенною противуположностью весенняго путешествія моего съ Жемчужниковымъ, въ апрѣлѣ, и сколько послѣднее было пріятно, столько первое было, напротивъ, непріятно. Въ городахъ, гдѣ мы останавливались, по утрамъ мы были заняты письменными служебными дѣлами, я—вмѣсто Чевкина

(уѣхавшаго съ Дибичемъ въ Тифлисъ)—по 2-му отдѣленію квартирмейстерской части, а Траскинъ, какъ и прежде, по 1-му. По вечерамъ же мы собирались у Кокошкина или у князя М. М. Голицына, и они, играя съ Траскинымъ въ карты, сажали меня за 4-го, учили игрѣ и бранили за мое неумѣніе играть въ карты. Это были единственные въ моей жизни случаи невольной игры въ карты: ни передъ тѣмъ, ни послѣ того я никогда не игралъ въ нихъ и ничего не разумѣлъ въ томъ, къ истинному моему удовольствію. Но и тутъ не всегда приходилось мнѣ играть за 4-го: чаще избавлялъ меня отъ этого Кожевниковъ, и тогда игра въ карты сопровождалась всегда общимъ смѣхомъ отъ шутокъ и остротъ Кожевникова, а также и князя М. М. Голицына, соревновавшаго ему въ томъ. Эти остановки въ городахъ и веселые вечера въ обществѣ Кокошкина, князя М. М. Голицына, Траскина и Кожевникова, служили нѣкоторымъ развлеченіемъ отъ непріятнаго и скучнаго обратнаго путешествія, въ глубокую и скверную осень, изъ Москвы въ Петербургъ. 25-го октября я пріѣхалъ въ Петербургъ, а въ концѣ октября и въ ноябрѣ вступилъ въ него и Московскій отрядъ гвардейскаго корпуса. И снова начались тѣ же, что и въ началѣ года, моя штабная служба и провожденіе мною времени внѣ службы.

Князь Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

1825—1855 гг.

V [1]).

Изъ перваго, послѣ коронаціи императора Николая Павловича, петербургскаго зимняго «сезона» 1826—1827 г., я приведу разсказъ объ одномъ любительскомъ спектаклѣ въ честь графа Виктора Павловича Кочубея, бывшаго тогда однимъ изъ важнѣйшихъ государственныхъ людей и предсѣдателемъ государственнаго совѣта. Спектакль этотъ происходилъ передъ масляницей или на масляницѣ 1827 г., въ домѣ графа В. П. Кочубея, на Фонтанкѣ, близъ Лѣтняго сада (гдѣ позже долго помѣщалось III отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи), въ присутствіи хозяина и хозяйки дома и высшаго столичнаго общества. Въ спектаклѣ этомъ участвовали многія лица того же общества, только одного мужскаго пола, исполнявшія также и женскія роли, всѣ въ полумаскахъ (такъ какъ въ числѣ ихъ было на половину военныхъ, которымъ, по правиламъ военной службы, безъ масокъ играть было нельзя). Приготовленія къ этому спектаклю происходили задолго до него, на квартирахъ того, либо другаго изъ участвовавшихъ въ немъ лицъ. Программа спектакля была очень разнообразная, въ двухъ отдѣленіяхъ, съ антрактомъ, во время котораго одинъ изъ участниковъ, искусный въ фокусахъ, долженъ былъ производить ихъ передъ зрителями, пока

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890; т. XXX (январь), стр. 27—42.

прочіе должны были перемѣнять костюмы. 1-е отдѣленіе должно было состоять изъ отдѣльныхъ сценъ или монологовъ изъ трагедій, драммъ, комедій и водевилей, русскихъ и французскихъ, и изъ италіянскихъ оперъ; 2-е же отдѣленіе — изъ дивертисемента съ русскими танцами, въ мужскихъ и женскихъ русскихъ крестьянскихъ одеждахъ. Этимъ танцамъ училъ петербургской балетной трупы балетмейстеръ Огюстъ, особенно отличавшійся мастерскимъ исполненіемъ русскихъ театральныхъ танцовъ. Въ драмматическихъ сценахъ руководителями на репитиціяхъ отчасти были лучшіе актеры русской и французской трупъ. Музыкальный же оркестръ былъ отличный, принадлежавшій богачу Всеволожскому. Къ назначенному для спектакля вечеру, въ домѣ графа В. П. Кочубея были отведены двѣ большія комнаты, одна, окнами на Фонтанку — для самаго спектакля и зрителей его, а другая за нею, окнами на дворъ—для актеровъ и ихъ костюмированія. Изъ числа всѣхъ драмматическихъ и оперныхъ сценъ, назову слѣдующія: монологъ Димитрія Донскаго, изъ трагедіи того же имени, Озерова, произнесенный И. М. Донауровымъ (бывшимъ воспитанникомъ Царскосельскаго лицейскаго пансіона); нѣсколько сценъ изъ французскаго водевиля: «Les anglaises pour rire», въ которыхъ я и братъ мой Александръ представляли двухъ англичанокъ, говорившихъ и пѣвшихъ на исковерканномъ французскомъ языкѣ,—и 1-ю и 2-ю сцены интродукціи оперы Моцарта Донъ-Жуанъ, на италіянскомъ языкѣ. Въ этихъ послѣднихъ 2-хъ сценахъ роль Сганареля, слуги Донъ-Жуана, исполнялъ л.-гв. 1-й артиллерійской бригады поручикъ князь Сергій Григорьевичъ Голицынъ, извѣстный тогда въ обществѣ подъ названіемъ Ѳирса [1]); онъ былъ искусный пѣвецъ и имѣлъ хорошій го-

---

[1]) Любопытно происхожденіе этого названія. Сначала никто не понималъ, почему и отъ чего оно произошло; но потомъ оно объяснилось слѣдующимъ образомъ. Князь С. Г. Голицынъ былъ вхожъ въ домъ генералъ-адъютанта Чернышева (впослѣдствіи графа и князя) и почти домашнимъ человѣкомъ въ его семействѣ. Такъ какъ онъ былъ очень милый и любезный собесѣдникъ и притомъ пріятный пѣвецъ романсовъ и оперныхъ арій, то дѣти генерала Чернышева и прозвали его, въ шутку, Тирсисомъ (Thyrsis, по русски Ѳирсъ). Но какъ 14-го декабря, по русскимъ святцамъ, празднуется память св. мучениковъ Ѳирса и другихъ съ нимъ, то, при производствѣ слѣдствія надъ декабристами, возникло подозрѣніе, не имѣло-ли прозваніе Ѳирсъ какого нибудь соотношенія съ событіемъ 14 декабря 1825 г., и отъ князя С. Г. Голицына потребовано было объясненіе, которое и оказалось единственно означенною выше дѣтскою шуткой. Но это прозваніе съ тѣхъ

лосъ басъ. Роль Донъ-Жуана игралъ адъютантъ (чей—не помню) князь Василій Петровичъ Голицынъ, (извѣстный подъ названіемъ Васиньки и рябчика); онъ имѣлъ хорошій теноръ и хорошо пѣлъ, а роль Донъ-Жуана игралъ, не знаю почему и зачѣмъ, въ кавалергардскомъ красномъ мундирѣ! Роль Донны Анны игралъ Михаилъ Ивановичъ Глинка (извѣстный впослѣдствіи музыкальный композиторъ), въ бѣломъ пудръ-мантелѣ, въ женскомъ парикѣ съ распущенными волосами, что, при его небольшомъ ростѣ, представляло довольно забавную фигуру, но пѣлъ онъ, голосомъ контральто, очень хорошо. Наконецъ, роль командора, въ парикѣ, шляпѣ и черномъ домино, со шпагою въ рукѣ, игралъ и пѣлъ я (это партія баса и по испытаніи моего голоса, нашли возможнымъ партію эту поручить мнѣ). Послѣ поединка съ Донъ-Жуаномъ, раненый командоръ, упавъ, поетъ тріо съ Донъ-Жуаномъ и Донной Анной, и первыми словами его суть: «Ah! soccorso! son tradito! l'assassino! m'ha ferito»! (Ахъ! помогите! я впалъ въ измѣну! убійца ранилъ меня)! вслѣдствіе чего Өирсъ Голицынъ съ тѣхъ поръ называлъ меня, въ шутку, не иначе, какъ лососиной! Но забавнѣе всего было то, что по окончаніи тріо, Донъ Жуанъ и Донна Анна ушли, а я, убитый командоръ, лежу на полу и, вмѣсто того, чтобы встать и также уйти, жду, чтобы меня вынесли, дабы не нарушить эфекта, и наконецъ-то меня вынесли на рукахъ, при чемъ шляпа и паликъ съ меня упали, что возбудило смѣхъ. Прочихъ драмматическихъ и оперныхъ сценъ не припомню, да и приведенныхъ мною достаточно для того, чтобы дать о нихъ понятіе. Вообще актеры играли и пѣли хорошо, но костюмы ихъ были не театральные, а довольно фантастическіе и нѣкоторые даже смѣшные. 1-е отдѣленіе продолжалось довольно долго. Въ антрактѣ между 1-мъ и 2-мъ отдѣленіями, фокусы, по образцу Пинетти, Боско и др., производилъ бывшій адъютантъ графа Милорадовича, а послѣ его смерти—преемника его, генералъ-адъютанта П. В. Голенищева-Кутузова, поручикъ Александръ Павловичъ Башуцкій, сынъ с.-петербургскаго коменданта, большой искусникъ въ такого рода фокусахъ, одѣтый индійскимъ фокусникомъ, въ полумаскѣ. Но особенно интереснымъ было 2-е отдѣленіе—дивертисементъ русскихъ танцовъ, въ

поръ осталось ему на цѣлую жизнь, подобно тому, какъ и прозваніе князя Василія Петровича Голицына, неизвѣстно почему, рябчикомъ, хотя онъ вовсе не былъ рябымъ. Кн. Н. С. Г.

русскихъ, мужскихъ и женскихъ, крестьянскихъ одеждахъ. Всѣ участвовавшіе въ спектаклѣ раздѣлены были на пары, которыхъ было до 20-ти, если не болѣе; въ каждой парѣ одинъ былъ въ мужской, а другой въ женской крестьянскихъ одеждахъ, конечно театральныхъ и щегольскихъ, особенно женскія — сарафаны съ кисейными рукавами и кокошники. Всѣ были въ полумаскахъ, исключая двухъ молодыхъ англичанъ, бывшихъ передъ тѣмъ на коронаціи, изъ которыхъ одинъ, Talbot, былъ очень высокаго роста, а другой, Russel, имѣлъ очень нѣжныя, почти женскія, и красивыя черты лица: оба они, какъ иностранцы, были безъ масокъ. Talbot былъ въ мужской крестьянской одеждѣ и шелъ въ парѣ съ М. И. Глинкой, который, въ противуположность ему, былъ гораздо меньше его ростомъ и одѣтъ въ женскую крестьянскую одежду, безъ маски. Russel же былъ одѣтъ также въ женскую крестьянскую одежду и совершенно походилъ на красивую русскую крестьянку. Дивертисементъ былъ открытъ польскимъ, въ которомъ всѣ пары прошли передъ зрителями нѣсколькими кругами взадъ и впередъ, а затѣмъ нѣкоторыя изъ паръ протанцовали отдѣльно русскую пляску такъ, какъ она танцовалась на театрѣ и какъ научилъ ей Огюстъ. Тѣмъ и заключился этотъ своеобразный любительскій спектакль, къ большому удовольствію присутствовавшихъ хозяина и хозяйки дома и лицъ высшаго петербургскаго общества. Затѣмъ всѣ актеры переодѣлись въ свои военныя и гражданскія одежды, и вечеръ кончился далеко за полночь бальными танцами.

VI.

Затѣмъ приведу нѣсколько подробностей о первыхъ же, по воцареніи императора Николая Павловича, Красносельскомъ лагерѣ и учебныхъ занятіяхъ войскъ гвардіи во время него. Тогда, какъ и впослѣдствіи, войска вступали въ лагерь 15-го іюня и оставались въ немъ до окончанія маневровъ 1-го августа. Еще за долго до 15-го іюня, послѣ Пасхи, Государь и великій князь Михаилъ Павловичъ, въ сопровожденіи свитъ, генералитета и штабныхъ чиновъ, осматривали мѣстоположеніе Красносельскаго лагеря, и тогда-то Государь указалъ на мѣстѣ новое раздѣленіе лагеря на главный и авангардный, и приказалъ произвесть нужныя для того работы къ 15-му іюня. Въ маѣ же Государь производилъ въ Петербургѣ, частію на Царицыномъ лугу и частію на Семеновскомъ плацу, равно въ мѣстахъ загороднаго рас-

положенія войскъ, смотры полковъ. По этому поводу разскажу одинъ любопытный случай, происшедшій на смотру л.-гв. уланскаго полка въ Стрѣльнѣ, на учебномъ плацу, за тогдашнею почтовою станціей, находившеюся въ 2-хъ этажномъ каменномъ домѣ на углу Петергофскаго и Кипенскаго шоссе. Я былъ на этомъ смотру дежурнымъ при г. а. Нейдгардтѣ и свидѣтелемъ слѣдующаго: Государь скомандовалъ построеніе изъ полковой эскадронной колонны развернутаго строя въ указанномъ направленіи. Команда эта была повторена по начальству, до полковаго командира, ген.-маіора Олферьева, включительно. Но сильный вѣтеръ, дувшій въ это время, не дозволилъ всѣмъ эскадроннымъ командирамъ ясно разслушать команду и половина полка развернулась на право, а другая въ противную сторону на лѣво! Государь прогнѣвался и, скомандовавъ «съ плацу долой на конюшни»! уѣхалъ, поручивъ вел. кн. Михаилу Павловичу разобрать дѣло и взыскать съ виновныхъ. Великій князь, съ свитой генераловъ и Олферьевымъ, отправился въ верхнюю большую залу почтовой гостинницы, и здѣсь всею силой обрушился на бѣднаго Олферьева, который, по моему мнѣнію, ни тѣломъ, ни душой не былъ виноватъ въ томъ, что́ чисто напроказилъ вѣтеръ. Замѣчу при этомъ, что ровно 4 года спустя, въ 1831 г., въ томъ же маѣ мѣсяцѣ, 14 числа, въ сраженіи при Остроленкѣ, тотъ же полкъ, подъ начальствомъ того же Олферьева, совершилъ чудеса храбрости, не сдѣлавъ ни малѣйшей ошибки въ строевомъ отношеніи, да и во всю войну того года всегда и вездѣ дѣйствовалъ съ величайшимъ отличіемъ.

Здѣсь считаю нужнымъ сказать, что въ 1827-мъ же году корпусъ офицеровъ, дотолѣ носившій названіе «Свиты Е. И. В. по квартирмейстерской части», получилъ очень справедливо, по примѣру «гвардейскаго генеральнаго штаба», вполнѣ подобающее ему названіе «генеральнаго штаба». А служившее дотолѣ разсадникомъ его «училище колонновожатыхъ» было упразднено, колонновожатымъ предоставлено право поступить, кому юнкерами, а кому и первыми офицерскими чинами, въ полки и части, имѣвшіе преимущества молодой гвардіи (т. е. безъ маіорскаго чина); для пополненія же генеральнаго штаба, къ нему стали прикомандировывать строевыхъ офицеровъ разныхъ родовъ оружія, и уже возникла мысль объ учрежденіи высшаго военно-учебнаго заведенія для приготовленія офицеровъ генеральнаго штаба (что́ и было приведено въ исполненіе 5 лѣтъ спустя, въ 1832 г., учрежденіемъ и открытіемъ «императорской военной академіи»).

Въ Красносельскомъ лагерѣ 1827 г., при войскахъ гвардіи со-

стояли, сверхъ офицеровъ гвардейскаго генеральнаго штаба, также нѣсколько прикомандированныхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Я и мой пріятель Жемчужниковъ состояли при легкой гвардейской кавалерійской дивизіи ген.-ад. Петра Александровича Чичерина, онъ—дивизіоннымъ квартирмейстеромъ, а я—младшимъ офицеромъ, и мы участвовали съ этою дивизіей во всѣхъ ученьяхъ и потомъ въ маневрахъ. Чичеринъ началъ службу въ л.-гв. конномъ полку, былъ адъютантомъ великаго князя цесаревича Константина Павловича, впослѣдствіи командовалъ л.-гв. драгунскимъ полкомъ (нынѣ л.-гв. конногренадерскій) и сохранилъ мундиръ его. Это былъ въ своемъ родѣ оригиналъ, по крайней мѣрѣ на ученьяхъ и маневрахъ: среди стрѣльбы, пальбы и шумныхъ движеній кавалеріи и конной артиллеріи, онъ никакъ не могъ оставаться хладнокровнымъ, сердился, выходилъ изъ себя, бросая поводья, махалъ руками, гонялъ безъ милосердія своихъ адъютантовъ и особенно ординарцовъ отъ каждаго полка дивизіи. Разъ помню, что одинъ ординарецъ, посланный съ приказаніемъ, что-то перепуталъ; Чичеринъ распекъ его, послалъ снова и вмѣстѣ съ нимъ своего адъютанта, крича вслѣдъ ему: «Да скажите, чтобы впредь мнѣ не присылали такого Филиппа!» Мы въ свитѣ съ трудомъ удержались отъ смѣха.

Всѣхъ ученій и маневровъ въ Красносельскомъ лагерѣ я описывать не буду, а скажу только, что они, впервые по воцареніи императора Николая Павловича, производились въ этомъ и въ слѣдующихъ годахъ, по новому порядку, установленному самимъ государемъ. На большія корпусныя ученья нерѣдко пріѣзжала императрица Александра Ѳеодоровна, въ открытомъ ландо, въ англійской упряжи съ жокеями, въ сопровожденіи придворныхъ дамъ, также въ открытыхъ экипажахъ, и смотрѣла на ученья изъ царской палатки, разбитой на валикѣ, съ тѣхъ поръ называвшемся царскимъ. На этихъ же ученьяхъ, тамъ же, присутствовали и иностранные послы, невоенные—въ экипажахъ, а военные—верхомъ. Не помню, въ этомъ-ли 1827 году, или въ 1830-мъ, или въ 1832-мъ, (въ 1828—29—31 гг. гвардія была въ походахъ, а въ 1833 г. я уѣхалъ въ Букарештъ), на одномъ изъ такихъ ученій былъ слѣдующій забавный случай: императрица съ свитой и иностранные послы были на царскомъ валикѣ, а я съ 2-мя товарищами, верхомъ, стояли рядомъ, вдали отъ валика, по направленію къ Красному Селу. Вдругъ видимъ скачущаго передъ нами шагахъ въ 100, по полю, во весь опоръ, г.-а. графа Бенкендорфа, который кричитъ намъ: «Не видали-ли вы посланника Ландау?» — Такъ какъ мы никакого посланника

Ландау не только не видали, но и знали, что такого не было, то, приложивъ руки къ шляпамъ, отвѣта не дали. Бенкендорфъ разсердился, прокричалъ: «Чтожъ вы молчите?» и проскакалъ дальше. Что-же оказалось? онъ искалъ и спрашивалъ насъ о ландо посланника, но какого?—неизвѣстно!

О житьѣ-бытьѣ нашемъ въ Красномъ Селѣ во время лагеря скажу, что мы, штабные, жили въ крестьянскихъ домахъ, въ самой серединѣ села, около штаба и начальника его, Нейдгардта. Послѣдній уже тогда началъ возлагать на меня обязанность составлять на французскомъ языкѣ, по формамъ французской арміи, строевыя вѣдомости войскъ, подаваемыя, въ лагерѣ или на ученьяхъ, иностраннымъ принцамъ и военнымъ посланникамъ. Французскія формы такихъ вѣдомостей (état des troupes) я заимствовалъ изъ французскихъ военныхъ сочиненій, находившихся въ библіотекѣ главнаго штаба Е. И. В. За одну такую вѣдомость, непоспѣвшую во-время, по винѣ не моей, а дежурства, въ 1830 г. (когда въ лагерѣ былъ наслѣдный принцъ шведскій, впослѣдствіи король Оскаръ I), Нейдгардтъ посадилъ меня подъ арестъ, но черезъ полчаса освободилъ (первый и единственный въ моей службѣ случай ареста), вѣдомость же, по счастію, поспѣла во-время. Время наше проходило такъ: 6 дней въ недѣлѣ мы, какъ въ школѣ, учились по утрамъ и вечерамъ на военномъ полѣ, а въ промежуткахъ занимались штабными работами, обѣдали своею артелью и свободное время проводили въ своемъ кружку генеральнаго штаба. По субботамъ же, пополудни или вечеромъ, мы уѣзжали по очереди въ Петербургъ на Красносельскихъ извощикахъ, у кого не было своихъ экипажей и лошадей, а по воскресеньямъ ввечеру возвращались обратно. Послѣ большихъ маневровъ въ окрестностяхъ Краснаго Села, въ послѣднихъ числахъ іюля, на военномъ полѣ бывалъ общій парадъ всѣхъ войскъ, послѣ котораго онѣ расходились и лагерю былъ конецъ. Но въ 1827 г., оберъ-квартирмейстеръ нашъ, князь А. М. Голицынъ 1-й, назначилъ мнѣ, товарищу моему Фролову, и топографамъ гвардейскаго штаба, подъ руководствомъ гвардейскаго генеральнаго штаба капитана Брюммера, произвесть учебную инструментальную съемку военнаго поля и окрестностей его, что для насъ было очень полезно, такъ какъ мы на такихъ съемкахъ до того еще не бывали. На этой съемкѣ мы пробыли весь августъ мѣсяцъ, живя всѣ вмѣстѣ въ Красномъ Селѣ и цѣлое утро до обѣда проводя въ полѣ на работѣ, а вечеръ въ товарищеской бесѣдѣ. Красное Село въ это время, послѣ шума и движенія въ продолженіи лагеря, было пусто и тишина въ немъ невоз-

мутимая, и время въ немъ проведено было нами столько же пріятно, сколько и полезно.

По возвращеніи нашемъ въ Петербургъ, возобновилась обычная штабная служба наша, а въ концѣ осени начались уже приготовленія къ походу гвардіи за Дунай въ Турцію. На меня Нейдгардтъ началъ возлагать обязанности начальника 2-го отдѣленія квартирмейстерской части, которыя я съ тѣхъ поръ и исправлялъ въ походахъ 1828—29—31 гг. и въ 1830—1832 гг. въ Петербургѣ.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VII [1]).

1828—1829.

Въ 1827 г., какъ извѣстно, между Россіей и Турціей была заключена въ Аккерманѣ конвенція объ исполненіи Турціей многихъ неисполненныхъ ею условій Кучукъ-Кайнарджійскаго, Ясскаго и Бухарештскаго мирныхъ договоровъ съ Россіей. Но, по заключеніи Аккерманской конвенціи, султанъ Махмудъ, раздраженный истребленіемъ флота его въ морскомъ бою при Наваринѣ, 8-го октября 1827 г., явно провозглашалъ, что Аккерманскими переговорами хотѣлъ только выиграть время и собраться съ силами, но заранѣе положилъ не исполнять условій этихъ переговоровъ. Вслѣдствіе того, Россія объявила Турціи войну, и войска 2-й арміи, а за ними и другія 1-й арміи, были двинуты въ Бессарабію, къ нижнему Дунаю. Бо́льшая часть гвардіи была также назначена идти туда же весною 1828 г., и съ самаго начала его, въ ней производились дѣятельныя приготовленія къ походу. Въ этотъ походъ назначены были: 1-е и 2-е баталіоны 1-й и 2-й гвардейскихъ пѣхотныхъ дивизій, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая гвардейская кавалерійская дивизія, л.-г. 1-я и 2-я артиллерійскія бригады, л.-г. конной артиллеріи батарейная и легкая № 1 батареи, л.-г. конноціонерный эскадронъ и л.-г. сводный казачій полкъ, всего въ усиленномъ составѣ около 24,000 ч. Командиръ гвардейскаго корпуса, В. К. Михаилъ Павловичъ имѣлъ отправиться весною прямо въ Валахію и принять начальствованіе

---

[1]) См. „Русская Старина“ изд. 1880 г., т. XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890; изд. 1881 г., т. XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ), стр. 519—526.

надъ корпусомъ войскъ, назначеннымъ для осады турецкой крѣпости Браилова. Вмѣсто него, гвардейскій корпусъ долженъ былъ походомъ вести старшій по немъ генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ. Начальникъ гвардейскаго штаба г.-а. Нейдгардтъ оставался на время въ Петербургѣ и прибылъ къ корпусу позже въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Поручивъ мнѣ, уже съ конца 1827 г., исправленіе должности начальника 2-го отдѣленія квартирмейстерской части штаба, онъ назначилъ меня, въ числѣ другихъ чиновъ этого послѣдняго, также идти въ походъ съ гвардіею, въ той же должности. Въ отсутствіи же его, должность начальника штаба исправлялъ начальникъ гвардейскихъ инженеровъ, г.-а. Сазоновъ.

Въ началѣ апрѣля гвардія начала выступать изъ Петербурга и слѣдовала 2-мя колоннами: правая (4-я гвардейская пѣхотная бригада, л.-г. саперный баталіонъ, гвардейскій экипажъ, вся легкая кавалерія, л.-г. конно-піонерный и л.-г. казачій полкъ, эскадронъ, съ ихъ пѣшею и конною артиллеріей) на Псковъ, Островъ, Полоцкъ, Старый Быховъ, Рогачевъ, Мозырь, Овручь, Житомиръ, Бердичевъ, Могилевъ на Днѣстрѣ и Леово на р. Прутѣ, къ дер. Сатуново на лѣвомъ берегу нижняго Дуная;—лѣвая же колонна (остальные 6 полковъ гвардейской пѣхоты, съ пѣшей артиллеріей)—на Порховъ, Великіе Луки, Витебскъ, Могилевъ на Днѣпрѣ, Черниговъ, Кіевъ, Тульчинъ и Кишеневъ также къ Сатунову. Штабъ ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ изъ города въ городъ по пути лѣвой колонны.

Не буду описывать въ подробности нашего похода отъ Петербурга до Сатунова, а приведу лишь нѣкоторые чѣмъ-либо замѣчательные случаи этого 5-ти мѣсячнаго похода съ Невы на Дунай, черезъ всю Россію. Я ѣхалъ въ моей коляскѣ съ поручикомъ Траскинымъ (начальникомъ 1-го отдѣленія квартирмейстерской части гвардейскаго штаба) въ самую сильную весеннюю распутицу, по глубокой грязи, большимъ почтовымъ «Бѣлорусскимъ трактомъ». Первая остановка штаба была въ Великихъ Лукахъ, гдѣ грязь была невылазная. Пребываніе наше въ этомъ городѣ для меня было замѣчательно тѣмъ, что я получилъ тутъ приказъ о производствѣ меня, въ день Пасхи 21 апрѣля, въ чинъ подпоручика. Изъ Великихъ Лукъ мы поѣхали въ Витебскъ. Такъ какъ по тому же тракту впереди насъ ѣхали и Дибичъ, и всѣ прочіе военные чины изъ Петербурга въ главную квартиру дѣйствующей арміи, то дорога была крайне испорчена и изрыта, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. особенно подъ Порховомъ, была такая топь, что всѣ, начиная съ Дибича, сидѣли въ ней по нѣскольку часовъ, пока крестьяне ближайшихъ деревень не вытаскали тяжелыхъ экипажей изъ грязи. Почтовыя же лошади были заморенныя, потому что разгонъ

ихъ днемъ и ночью былъ непрерывный и огромный. Какъ вспомнишь такого рода тогдашнее путешествіе и посравнишь съ теперешнимъ по желѣзнымъ дорогамъ, то подлинно «свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ». Но одолѣвъ, наконецъ, Псковскую губернію, обильную грязью, далѣе ѣхали мы уже все легче и скорѣе.

Въ Витебскѣ мы оставались недѣли двѣ, пока не пропустили всѣхъ эшелоновъ гвардіи (каждый изъ нихъ имѣлъ въ городахъ дневки). Первое впечатлѣніе, которое произвелъ на меня Витебскъ, было довольно странное: русскій губернскій городъ, но съ рѣзкимъ характеромъ полу-польскимъ, полу-жидовскимъ, полу-бѣлорусскимъ. Вездѣ католическіе костіолы; на площади, противъ губернаторскаго дома, Базиліянскій монастырь; большая, каменная еврейская синагога, а православныхъ церквей мало, и тѣ бѣдныя и снаружи, и внутри. На улицахъ говоръ польскій, жидовскій, бѣлорусскій съ его «цвяканьемъ и дзвяканьемъ», а русскій рѣдко, словомъ—ни дать, ни взять «Stara Polska»! Не мудрено—34 года, съ 1796 до 1831, въ западномъ краѣ жива была польщизна. Въ Витебскѣ имѣлъ тогда пребываніе витебскій и могилевскій генералъ-губернаторъ, генералъ-отъ-инфантеріи князь Хованскій; кто былъ губернаторомъ—не помню, но вице-губернаторомъ былъ статскій совѣтникъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ, которому суждено было, пройдя черезъ разныя административныя должности въ сѣверозападномъ краѣ, въ немъ же, наконецъ, въ 1863 г. быть генералъ-губернаторомъ въ Вильнѣ, составить себѣ громкое имя и умереть графомъ. Онъ женатъ былъ на Пелагеѣ Васильевнѣ Шереметевой, молодой и очень любезной женщинѣ. «Маршаломъ», по польски, или губернскимъ предводителемъ дворянства, по русски, былъ, кажется, Карницкій, а уѣзднымъ, если не ошибаюсь, графъ Борхъ (братъ церемоніймейстера графа Борха, женатаго на графинѣ Софіи Лаваль), женатый на графинѣ Платеръ, молодой, красивой и милой дамѣ. Вотъ тогдашнія высшія власти и главы высшаго общества въ Витебскѣ, которые гостепріимно угощали насъ и гвардейскихъ офицеровъ обѣдами и вечерами съ танцами, такъ что пребываніе наше въ Витебскѣ было для насъ очень пріятно.

Изъ Витебска мы переѣхали въ Могилевъ на Днѣпрѣ уже по прекраснымъ и сухимъ, большимъ дорогамъ, усаженнымъ старыми и развѣсистыми деревьями (онѣ были устроены первымъ бѣлорусскимъ генералъ-губернаторомъ, по присоединеніи Бѣлоруссіи, графомъ Чернышевымъ, который оставилъ по себѣ этимъ, между прочимъ, вѣчную память).—Могилевъ имѣлъ отчасти такой же, какъ и Витебскъ, смѣшанный русско-польскій-жидовскій-бѣлорусскій характеръ, но

сверхъ того и въ особенности—нѣмецкій и военный. Въ немъ съ 1816 г. находилась главная квартира 1-й арміи, которою, со смерти генералъ-фельдмаршала князя Барклая-де-Толли, начальствовалъ генералъ-отъ-инфантеріи графъ (впослѣдствіи генералъ-фельдмаршалъ и князь) Фабіанъ Вильгельмовичъ фонъ-деръ-Остенъ-Сакенъ, уже древній, но еще очень бодрый, живой и веселый старый холостякъ и большой поклонникъ прекраснаго пола. Въ послѣднемъ отношеніи онъ пріобрѣлъ особенную извѣстность въ 1814 г. въ Парижѣ, въ которомъ, будучи военнымъ губернаторомъ его, былъ у ногъ всѣхъ милыхъ парижанокъ и имъ ни въ чемъ не отказывалъ. По этому случаю тогдашній французскій сочинитель французскихъ пѣсенокъ Беранже, въ одной изъ нихъ подъ заглавіемъ: «Nos amis les ennemis», посвятилъ, между прочимъ, Блюхеру и Сакену слѣдующіе стишки:

«Et ce cher, ce cher monsieur Blucher (читай Блюшеръ)!»
«Et ce bon, ce bon monsieur Sakin au coeur si tendre!»

Вотъ этотъ-то «monsieur Sakin au coeur si tendre», но храбрецъ въ бояхъ своей полувѣковой боевой службы, былъ окруженъ, въ составѣ своихъ главныхъ: штаба и квартиры, цѣлою колоніей нѣмецкихъ колонистовъ, въ буквальномъ смыслѣ слова. Всѣ они, съ 1816 г., пустили глубокіе корни въ Могилевѣ на Днѣпрѣ и имѣли въ немъ свои дома или, скорѣе, мызы и усадьбы, съ садами, огородами, домашнимъ скотомъ и всѣми другими хозяйственными принадлежностями. Два ближайшіе помощника Сакена составляли въ этомъ отношеніи исключеніе: то были начальникъ главнаго штаба арміи, генералъ-адъютантъ Карлъ Ѳедоровичъ Толь и генералъ-квартирмейстеръ, генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Дмитрій Петровичъ Бутурлинъ, оба женатые, семейные и хорошіе семьяне (послѣдній былъ женатъ на красавицѣ Комбурлей, отецъ которой былъ богатый грекъ, а мать русская). Исключеніе также, не нѣмецкаго рода, а татарскаго, составлялъ начальникъ артиллеріи арміи, генералъ-отъ-артиллеріи князь Яшвиль, извѣстный и какъ давнишній, храбрый воинъ, и также, какъ Сакенъ, поклонникъ прекраснаго пола. Но затѣмъ, начиная съ дежурнаго генерала арміи, генералъ-маіора Ольдекопа, шелъ уже длинный рядъ нѣмцовъ, лишь съ малою толикой русскихъ въ промежуткахъ. О Сакенѣ и Яшвилѣ я приведу нѣсколько разсказовъ изъ числа многихъ, но прежде долженъ сказать, что нашъ штабъ, по прибытіи въ Могилевъ, представлялся in corpore, имѣя въ главѣ Нейдгардта (прибывшаго изъ Петербурга), Сакену и Толю, а офицеры гвардейскаго генеральнаго штаба, сверхъ того, и Бутурлину. Сакенъ, со всѣмъ своимъ главнымъ

штабомъ и свитой, встрѣчалъ каждый вступавшій въ Могилевъ эшелонъ гвардіи, который и проходилъ мимо него церемоніяльнымъ маршемъ. Затѣмъ генералы и офицеры этого эшелона и нашего штаба были приглашаемы къ обѣденному столу у Сакена. Эти обѣды были очень оригинальны: они живо напоминали барскіе обѣды нашихъ русскихъ вельможъ «временъ Очакова и покоренія Крыма», когда столъ накрывался человѣкъ на 100 и болѣе, съ золотою и серебряною посудою и обиліемъ яствъ и питей, и когда всякій, знакомый и незнакомый, прилично одѣтый, могъ свободно входить, занимать мѣсто за столомъ, какъ бы за table d'hôte, и даже, не стѣсняясь, уносить съ собою, что ему заблагоразсудится, изъ яствъ, питей и даже серебряной посуды. Не вполнѣ такъ, но очень подобно тому было и на обѣдахъ Сакена: въ большой столовой былъ накрытъ длинный столъ, хотя и не съ золотою и серебряною посудой, но обѣдъ былъ съ обиліемъ яствъ и питей. На верхнемъ концѣ сидѣлъ Сакенъ, по правую руку его Толь, по лѣвую Яшвиль, затѣмъ Бутурлинъ, Нейдгардтъ, генералитетъ, штабъ-и оберъ-офицеры, всѣ по чинамъ, до нижняго конца стола включительно. За этими обѣдами главными ораторами, „державшими нить разговора“ (le fil de la conversation) и привлекавшими къ себѣ и слухъ, и зрѣніе всѣхъ сотрапезниковъ, были Сакенъ и Яшвиль. И какія были рѣчи ихъ!—самаго «скоромнаго», но не «скромнаго» свойства! Ихъ всѣ слушали и слышали, въ томъ числѣ такіе люди, какъ Толь, Нейдгардтъ и Бутурлинъ, всѣ трое—серьозные, семейные, даже, можно сказать, «постные» и «скоромнымъ» рѣчамъ не сочувствовавшіе. За то между остальными было немало «скоромниковъ», сочувственно слушавшихъ недвусмысленные разсказы Сакена и Яшвиля, между прочимъ, старѣйшій изъ гвардейскихъ генераловъ, Депрерадовичъ, большой цинникъ на словахъ.

О Сакенѣ и Яшвилѣ приведу только два разсказа. Однажды Бутурлинъ пригласилъ Сакена къ себѣ обѣдать и въ назначенный часъ вышелъ на встрѣчу ему, на подъѣздъ своей квартиры, къ которому Сакенъ подъѣхалъ въ каретѣ. Увидавъ Бутурлина въ мундирѣ, но разстегнутомъ на всѣ пуговицы, съ бѣлымъ подъ нимъ жилетомъ, Сакенъ, не выходя изъ кареты, сказалъ Бутурлину: «Il parait, que je suis arrivé trop tôt, vous n'avez pas encore fait votre toilette, je viendrai plus tard»—и уѣхалъ домой. А когда воротился, то былъ встрѣченъ Бутурлинымъ, уже застегнутымъ на всѣ крючки и пуговицы. Вотъ каковъ былъ Сакенъ въ отношеніи чинопочитанія!

А объ Яшвилѣ разсказывали, что онъ, во время оно, гораздо раньше, особенно не возлюблялъ бывшаго подъ его начальствомъ,

всѣмъ въ то и послѣдующее время весьма извѣстнаго оригинала, но храбрѣйшаго конно-артиллерійскаго полковника, впослѣдствіи генерала, Костенецкаго, про котораго можно было бы написать цѣлую книгу курьозныхъ анекдотовъ. Командуя конною батареей въ 1-й арміи, онъ производилъ ей преоригинальныя ученья. Рано на зарѣ, онъ приказывалъ находившемуся при немъ трубачу трубить тревогу, указывалъ, куда скакать батареѣ, а самъ, вскочивъ на коня, скакалъ туда во весь опоръ и, прискакавъ на мѣсто въ полѣ, долой съ коня—и голый катался по травѣ и росѣ! Это была его Суворовская утренняя ванна! Между тѣмъ батарея, по тревогѣ, летѣла туда же во весь опоръ, и находила уже Костенецкаго выкатавшимся на росѣ, одѣтымъ и на конѣ, и тотчасъ же начиналось ученье, все на маршъ-маршѣ и—по боевому. Вдругъ Костенецкій командуетъ: «№ такой-то раненъ!»—и этотъ № долженъ былъ слѣзть съ лошади и пѣшкомъ отойти въ сторону, а другой заступить его мѣсто. Затѣмъ опять команда: «№ такой-то убитъ!»—и убитый долженъ былъ упасть на землю и лежать, а другой—заступить его мѣсто, и подобно тому въ этомъ же родѣ. Оно, пожалуй, очень оригинально, но далеко не глупо или, какъ говорятъ французы, «ce n'est pas si bête!» Напротивъ, въ боевомъ смыслѣ, это очень умно. Этотъ-то оригиналъ, ненавидѣвшій и презиравшій Яшвиля, какъ человѣка и начальника (и не несправедливо), однажды выкинулъ слѣдующую шутку по его адресу. Яшвиль смотрѣлъ его батарею и послѣ смотра сѣлъ съ адъютантомъ въ коляску и поѣхалъ. Вдругъ онъ слышитъ сзади батальный огонь батареи и посылаетъ адъютанта узнать, что это значитъ? — «Съ пушечной пальбою празднуемъ избавленіе Россіи отъ татаръ!» отвѣчалъ Костенецкій. Какія были послѣдствія—не знаю.

Этотъ самый Костенецкій, уже въ чинѣ генерала, огромнаго роста, косая сажень въ плечахъ, грозный на видъ, настоящій «Orlando furioso», въ 1827 г. лѣтомъ жилъ въ Красномъ Селѣ во время лагеря и былъ, какъ всѣ въ немъ тогда говорили и потѣшались, влюбленъ въ красавицу княжну Радзивилъ, фрейлину императрицы Маріи Ѳеодоровны, вскорѣ вышедшую замужъ за князя Витгенштейна, сына фельдмаршала.

Возвращаюсь къ нашему пребыванію въ Могилевѣ. Сверхъ обѣдовъ у Сакена, мы, штабные, утро проводили въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ, а вечеромъ въ разныхъ общественныхъ увеселеніяхъ. Въ отношеніи къ первымъ, разскажу одинъ забавный случай. Я жилъ недалеко отъ Нейдгардта и ходилъ къ нему съ докладомъ по моей части—передвиженія и расположенія войскъ. Однажды Нейд-

гардтъ передаетъ мнѣ полученное имъ отношеніе бывшаго въ то время Кіевскаго военнаго губернатора, генералъ-лейтенанта Желтухина, ветерана 1812—13—14 гг. и человѣка очень остроумнаго и остроязычнаго, въ родѣ покойнаго князя Меншикова. Въ этомъ отношеніи за N°, Желтухинъ писалъ, что «въ маршрутѣ гвардіи по Кіевской губерніи неправильно назначена дневка въ селѣ Напрасники, а какъ переходъ въ него былъ кружный, то въ избѣжаніе напраснаго перехода» и т. д. Нейдгардтъ, какъ нѣмецъ аккуратный и обидчивый, приказалъ мнѣ написать отвѣтъ Желтухину, съ употребленіемъ, въ сдачу ему, тѣхъ же выраженій напраснаго перехода къ селу Напрасники! Такимъ образомъ, одинъ бывшій начальникъ гвардейскаго штаба (Желтухинъ), а другой—тогдашняго времени (Нейдгардтъ) оба поиграли въ слова, булавкой за булавку, оффиціально за NN°!

Изъ общественныхъ же увеселеній упомяну только о пріятныхъ собраніяхъ, иногда съ танцами, у Могилевскаго губернатора д. с. с. Максимова, который, какъ равно его супруга и многія дочери и сыновья, одни взрослые, другіе малолѣтніе, были прекрасные, гостепріимные и радушные русскіе люди.

Изъ Могилева мы переѣхали въ Черниговъ, о которомъ ничего особенно замѣчательнаго сказать не могу, а изъ Чернигова въ Кіевъ, о которомъ, напротивъ, могу доложить многое. Нужно сказать, что этотъ походъ мой съ гвардіей отъ Петербурга до Дуная и Варны—«дистанція огромнаго размѣра»—былъ для меня первымъ живымъ и великолѣпнымъ урокомъ географіи Россіи и кусочка Турціи. На всемъ этомъ пути я, впервые въ жизни, видѣлъ и узналъ всѣ полосы и мѣстности Россіи отъ Невы до Дуная, весною и лѣтомъ, въ разныхъ по временамъ года видахъ и въ разныхъ городахъ и селеніяхъ, большихъ и малыхъ, съ ихъ разнообразными характеристиками. Но самое пріятное впечатлѣніе на меня произвела по истинѣ «благодатная наша Украйна», по лѣвую и правую стороны древняго Днѣпра, начиная съ въѣзда въ Черниговскую губернію до переѣзда изъ Подольской въ Бессарабію, и притомъ въ самую лучшую пору года—лѣтомъ, когда вся Украйна была «въ зелени и цвѣту»! Что за дивный край! въ немъ бы жить и умереть, и не ѣздивши въ Италію. А Кіевъ—этотъ «пращуръ городовъ русскихъ», съ его святынями, древностями, историческими воспоминаніями и чудными: мѣстоположеніемъ и окрестностями!—можно представить себѣ, какое глубокое впечатлѣніе произвелъ онъ впервые на меня, въ то время пылкаго и восторженнаго юношу! Но, не желая увлечься моими впоспоминаніями о Кіевѣ и очаровательномъ юго-западномъ краѣ, ограничусь лишь

разсказомъ нѣкоторыхъ, особенно замѣчательныхъ случаевъ во время пребыванія моего въ нихъ.

Въ Кіевѣ тогда еще не было моста черезъ Днѣпръ и я переѣхалъ на правый берегъ его на паромѣ, въ виду живописныхъ кіевскихъ «угорьевъ и удольевъ» и Кіевопечерской лавры. Спутникъ мой, Траскинъ, уѣхалъ въ Херсонскія военныя поселенія къ своему дядѣ, командиру поселеннаго уланскаго полка, а я остался одинъ, на квартирѣ, отведенной мнѣ близь Нейдгардта и дворцовой площади, на Старомъ Кіевѣ. Штабъ нашъ, по прибытіи, представлялся Желтухину, а потомъ мы дѣлали визиты вѣжливости: гражданскому губернатору, д. с. с. Катериничу, вице-губернатору Кочубею, женатому на княжнѣ Вяземской; маршалу или губернскому предводителю дворянства графу Тышкевичу и другимъ лицамъ Кіевскаго общества. О Желтухинѣ я уже отчасти говорилъ выше; прибавлю только, что въ 1813 году онъ командовалъ л.-гв. Гренадерскимъ полкомъ, во всѣхъ сраженіяхъ отличался съ нимъ необыкновенною, но не «горячею», а «ледяною», невозмутимою храбростью и притомъ—суровою строгостью съ солдатами, даже подъ ядрами и пулями: если онъ замѣчалъ во фронтѣ «кланявшихся», имъ, то вызывалъ изъ фронта и въ 2 шомпола училъ ихъ не кланяться ни ядрамъ, ни пулямъ. Катериничъ, истый хохолъ, говорившій съ рѣзкимъ малороссійскимъ акцентомъ, былъ не послѣдней руки забавный оригиналъ, въ родѣ Костенецкаго. Необычайный говорунъ, діалоги свои съ собесѣдникомъ онъ производилъ, безпрестанно повторяя: «Да позвольте же съ начала!»—а затѣмъ: «Да не всѣмъ же вмѣстѣ говорить!», и опять съизнова, и все это съ малороссійскими: выговоромъ и преуморительными ужимками и мимикой! А впрочемъ былъ прекрасный человѣкъ и хорошій губернаторъ. Кочубей былъ родственникомъ графа Виктора Павловича Кочубея и богатымъ помѣщикомъ Черниговской и Полтавской губерній. Онъ и жена его были люди высшаго круга и очень достойные. Графъ Тышкевичъ, красивый мущина среднихъ лѣтъ, очень милый и любезный, служилъ сначала, кажется, въ гвардіи и едва-ли не въ л.-гв. Преображенскомъ полку. По поводу его замѣчу, что родъ Тышкевичей въ сѣверозападномъ и югозападномъ краѣ до XVII вѣка былъ чисто-русскій и православный, но потомъ, подобно весьма многимъ другимъ русскимъ родамъ въ томъ же краѣ, перешелъ въ католичество, ополячился и поляки признаютъ его, совершенно неправильно, польскимъ.

Каждому вступавшему въ Кіевъ и дневавшему въ немъ эшелону гвардіи производилась со стороны городскихъ властей парадная встрѣча, въ чемъ, между прочимъ, участвовала и городская или

гражданская конная стража, въ старинной малороссійской одеждѣ свѣтлозеленаго цвѣта съ галунами, въ бараньихъ шапкахъ и съ своими значками. Этотъ сохранявшійся еще тогда остатокъ украинской старины вскорѣ потомъ былъ уничтоженъ. По вступленіи гвардіи въ Кіевъ, генералы и офицеры ея были приглашаемы на обѣды и вечера съ танцами, бо́льшею частію въ домѣ дворянскаго собранія, и въ двѣ-три недѣли, проведенныя нами въ Кіевѣ, недостатка въ пирахъ и общественныхъ увеселеніяхъ не было. Въ свободное отъ службы время, я знакомился съ древностями и примѣчательностями Кіева, его святынями и живописнѣйшими мѣстностями, особенно на высокомъ и обрывистомъ берегу Днѣпра въ дворцовомъ саду, гдѣ на самомъ высокомъ выступѣ былъ такъ называемый треугольникъ— открытый деревянный помостъ, огражденный деревянными же перилами, въ видѣ треугольника, откуда былъ чудный видъ на все теченіе Днѣпра и на нагорный и подольный Кіевъ во всѣ стороны, и на все Заднѣпровье, низменное и ровное, на огромное разстояніе до края горизонта. Треугольникъ на этомъ мѣстѣ былъ устроенъ во время пребыванія императрицы Екатерины II въ Кіевѣ: здѣсь она часто любовалась прекрасными видами окрестностей и пивала вечеромъ чай съ своимъ дворомъ.

Жаркая погода (это было въ іюнѣ) побудила меня съ товарищами выкупаться въ историческомъ Днѣпрѣ, причемъ я едва не утонулъ въ немъ, но Богъ спасъ меня. Не умѣя плавать, я вошелъ въ воду на мелкомъ мѣстѣ и пошелъ впередъ, но вдругъ попалъ на болѣе глубокое мѣсто и вода поднялась мнѣ по горло, а необыкновенно сильное теченіе Днѣпра стало увосить меня внизъ. По счастію, я и товарищи мои взялись за руки, повернулись къ берегу и благополучно вышли на него. Послѣ уже мы узнали, что въ Днѣпрѣ купаться неумѣющимъ плавать очень опасно, по причинѣ ямъ и сильнаго теченія, отъ котораго вода у берега довольно мутная, желтаго цвѣта (подобно тому, какъ и въ нижнемъ Дунаѣ, гдѣ я позже также искупался, но уже съ бо́льшею осторожностью).

По прохожденіи всѣхъ эшелоновъ гвардіи черезъ Кіевъ, я отправился съ нашимъ штабомъ, на почтовыхъ лошадяхъ, по пути слѣдованія войскъ, въ мѣстечко Тульчинъ, Подольской губерніи, родовое владѣніе графовъ Потоцкихъ, гдѣ съ 1816 до 1828 г. находилась главная квартира 2-й арміи. Переѣздъ мой отъ Кіева до Тульчина, черезъ благодатный край заднѣпровской Украйны, въ великолѣпную погоду днемъ и въ чудныя украинскія ночи, былъ для меня истиннымъ наслажденіемъ! Одно только смущало меня — остатки польскаго владычества, съ его косціолами, распятіями на до-

рогахъ, польскимъ говоромъ и т. п., и съ жидовскимъ населеніемъ въ мѣстечкахъ и городахъ, среди господствующаго православнаго малороссійскаго. Въ Тульчинъ я въѣхалъ въ чудесную лунную ночь, по прекрасной аллеѣ большихъ, развѣсистыхъ деревьевъ и красѣ южнаго края—высокихъ, пирамидальныхъ тополей. Остановившись въ отведенной мнѣ квартирѣ, на главной улицѣ, въ жидовской корчмѣ, на чистой половинѣ, назначенной для проѣзжихъ жильцовъ, я на другой же день рано, въ прекрасное утро, пошелъ въ садъ палаца или дворца Потоцкихъ, широко раскинувшійся кругомъ, съ великолѣпною растительностью, и содержимый въ отличномъ видѣ. Двухъ-этажный каменный палацъ, дѣйствительно походилъ на дворецъ: онъ былъ построенъ извѣстнымъ и богатымъ польскимъ магнатомъ временъ Екатерины II, генералъ-аншефомъ графомъ Феликсомъ Потоцкимъ, который на фронтонѣ дома помѣстилъ, большими золоченными буквами, польскую надпись: «Bądź zawsze mieszkaniem cnotliwych» (будь всегда жилищемъ добродѣтельныхъ), что не совсѣмъ-то оправдалось впослѣдствіи, какъ объясню ниже. Графъ Феликсъ Потоцкій былъ женатъ два раза и отъ обоихъ браковъ имѣлъ сыновей и дочерей. Во второмъ бракѣ онъ былъ женатъ на знаменитой въ то время своею необыкновенною красотою гречанкѣ, по имени Софія (я видѣлъ миніатюрный портретъ ея въ имѣніи графа Потоцкаго, названномъ, въ честь красавицы жены его, Софіувкой, (по польски Sofiówka), близъ г. Умани, нынѣ дворцовое имѣніе Царицыно). По смерти Феликса Потоцкаго, Тульчинское имѣніе досталось старшему сыну его отъ перваго брака, Мечиславу, женатому на графинѣ Кòмаръ (а Потоцкіе и Кòмары также были до XVII вѣка чисто-южнорусскіе роды, но потомъ окатоличились и ополячились; другіе же Потоцкіе и Кòмары и теперь существуютъ въ Полтавской и Черниговской губерніяхъ православными). Софіувское же имѣніе досталось младшему сыну Феликса Потоцкаго, Александру, служившему сначала въ кавалергардахъ, а въ 1828—29 гг. въ одномъ изъ южно-поселенныхъ уланскихъ полковъ. Въ 1830 — 31 гг. онъ былъ вовлеченъ въ польское возстаніе и по взятіи Варшавы эмигрировалъ за границу, а Софіувское имѣніе его было конфисковано въ казну: о немъ я скажу подробнѣе въ своемъ мѣстѣ ниже. Отъ втораго же брака Феликса Потоцкаго были у него двѣ дочери: Софія, бывшая замужемъ за генералъ-адъютантомъ Павломъ Димитріевичемъ Киселевымъ, когда онъ былъ начальникомъ главнаго штаба 2-й арміи въ м. Тульчинѣ, а другая дочь, красавица Ольга, была въ замужествѣ за генералъ-маіоромъ Львомъ Александровичемъ Нарышкинымъ и

Одессѣ. Я нѣсколько распространился здѣсь касательно фамиліи Феликса Потоцкаго потому, что въ 1828—29 гг. это былъ вопросъ совершенно современный, нынѣ же онъ отошелъ уже въ область исторіи, такъ какъ судьбы этой фамиліи и ея обширныхъ владѣній уже совершенно измѣнились.

Во время 2-хъ или 3-хъ-недѣльнаго пребыванія нашего въ Тульчинѣ, пока черезъ него не прошли всѣ эшелоны гвардіи, мы, штабные, проводили время по утрамъ въ письменныхъ служебныхъ занятіяхъ въ штабѣ, помѣщавшемся въ одномъ изъ зданій палаца Потоцкихъ, а по вечерамъ—въ своемъ товарищескомъ кружку, въ бесѣдахъ или прогулкахъ, въ саду палаца или въ живописныхъ окрестностяхъ Тульчина. Въ числѣ старшихъ адъютантовъ дежурства нашего штаба были, между прочимъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ, восторженный поэтъ и стихотворецъ, и Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій, племянникъ извѣстнаго профессора московскаго университета, получившій въ послѣднемъ образованіе и также очень восторженный любитель русской литературы. Карлгофъ получилъ и читалъ намъ только что появившіяся въ рукописи стихотворенія А. С. Пушкина, одно—по случаю милостей, оказанныхъ ему императоромъ Николаемъ Павловичемъ (вызвавшимъ его въ 1826 г., изъ ссылки, въ Москву), а другое «Утопленникъ». Эти прекрасныя стихотворенія Карлгофъ и читалъ прекрасно. Я самъ былъ большимъ любителемъ русской литературы и это особенно сблизило меня съ Карлгофомъ и Антонскимъ, тѣмъ болѣе, что оба они были очень милые люди и хорошіе товарищи.

Изъ Тульчина мы отправились по почтовому тракту за Днѣстръ (въ Могилевѣ) и сѣверною, гористою частью Бессарабіи въ Кишиневъ. Тутъ мы нашли уже совершенно своеобразный городъ, съ смѣшаннымъ характеромъ полу-молдавскимъ, полу-греческимъ и жидовскимъ, съ узкими, немощенными, песчаными улицами, одноэтажными домами среди дворовъ и садовъ, огражденныхъ каменными или плетневыми заборами, съ малыми удобствами жизни и съ нравами и обычаями жителей, отчасти молдавскими, отчасти греческими. Пушкинъ, довольно долго проживший въ Кишеневѣ въ началѣ 1820 годовъ, излилъ всю нелюбовь свою къ нему въ нѣсколькихъ своихъ стихотвореніяхъ и вѣрно описалъ его. Въ Кишиневѣ мы уже начали готовиться къ дальнѣйшему походу на «военномъ положеніи», добыванію верховыхъ, вьючныхъ и упряжныхъ лошадей, сбруи, вьюковъ и пр. Для закупки лошадей для нашего штаба посланъ былъ въ Херсонскія военныя поселенія командиръ гвардейской фурштатской бригады маіоръ Мокіенко (старый драбантъ изъ кавалергардскихъ вахми-

стровъ), который и привелъ намъ ремонтъ лошадей позже въ деревню Сатуново, на лѣвомъ берегу нижняго Дуная, гдѣ въ маѣ этого года произведена была, въ присутствіи Государя, переправа, съ боемъ, черезъ Дунай, войскъ 2-й арміи, и откуда мы съ гвардіей уже должны были, переправясь за Дунай, идти военно-походнымъ порядкомъ вдоль морскаго берега къ Варнѣ.

Изъ Кишинева до Сатунова я ѣхалъ на почтовыхъ лошадяхъ, въ моей коляскѣ, уже съ Траскинымъ, воротившимся изъ отпуска въ Тульчинъ. Этотъ послѣдній переѣздъ нашъ на почтовыхъ лошадяхъ мы совершили, на первомъ полпути отъ Кишинева—по средней, гористой части Бессарабіи, а на второмъ до Сатунова—по степной. Тутъ, однажды, въ степи застигла насъ, между двумя почтовыми станціями, сильнѣйшая гроза, съ молніей, громомъ и такимъ проливнымъ дождемъ, какой бываетъ только въ южныхъ, жаркихъ краяхъ. Мы были принуждены оставаться, до окончанія грозы и дождя, среди степи, повернувъ закрытую коляску тыломъ къ косому дождю, не смотря на что все-таки были порядочно вымочены. Въ другой разъ, также въ степи, днемъ, въ ясную погоду, мы увидали противъ насъ, на краю горизонта, черную тучу, шибко подвигавшуюся на встрѣчу намъ. Что же оказалось? Это была саранча, летѣвшая въ такомъ громадномъ количествѣ, что вскорѣ покрыла надъ нами все небо, совершенно заслонила солнце, такъ что сдѣлалось темно, а летѣла она такъ низко, надъ нашими головами, что мы слышали сильный шумъ ея полета. Это любопытное явленіе было для меня первымъ и единственнымъ въ моей жизни и такъ поразило меня, что я не забылъ и никогда не забуду его! Тутъ-то мнѣ вспомнилось забавное «донесеніе» Пушкина, посланнаго инспекторомъ Бессарабскихъ колоній Инзовымъ освидѣтельствовать вредъ, нанесенный саранчою полямъ. Пушкинъ написалъ на 1-й страницѣ листа бумаги: «прилетѣла», на 2-й—«сѣла», на 3-й—«все поѣла» и на 4-й—«улетѣла». И точно, такая туча саранчи, какую я видѣлъ, ничего иного и не могла сдѣлать, какъ прилетѣть, сѣсть, все поѣсть и улетѣть дальше.

Наконецъ, мы пріѣхали въ Сатуново, о пребываніи въ которомъ и о походѣ оттуда за Дунай разскажу особо.

Кн. Н. С. Голицынъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗАПИСКИ КНЯЗЯ НИКОЛАЯ СЕРГѢЕВИЧА ГОЛИЦЫНА

VIII [1]).

Сатуново на Дунаѣ.—Отъ Сатунова до Варны.—Три недѣли подъ Варной—Вылазка 2-го сентября.—Кончина императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Императоръ Николай на Черномъ морѣ.

1828.

Деревня Сатуново (по молдавски «сатъ» значитъ деревня, а «ноу» новая, слѣдовательно Новая деревня) вовсе не соотвѣтствовала своему молдавскому прозванію. Она была не новая и даже не деревня, а куча разбросанныхъ въ безпорядкѣ, бѣдныхъ, жалкихъ, бессарабскихъ хатокъ и землянокъ, на лѣвой сторонѣ нижняго Дуная, въ томъ мѣстѣ, гдѣ правѣе, на правомъ, возвышенномъ берегу его, находилась турецкая крѣпостца Исакчи (переименованная нашими солдатами въ «Исачку»). Но эта деревнюшка съ мая 1828 г. получила историческое значеніе, потому что здѣсь наша 2-я армія фельдмаршала графа Витгенштейна перешла черезъ Дунай и этимъ открыла войну нашу съ Турціей въ 1828 г., и здѣсь же самъ императоръ Николай Павловичъ переправился черезъ Дунай на лодкахъ «Некрасовцовъ» подъ начальствомъ атамана ихъ Гладкова. По переправѣ передовыхъ войскъ на судахъ, съ боемъ, здѣсь устроена была съ обѣихъ сторонъ Дуная земляная плотина, а на Дунаѣ мостъ на судахъ, обезпечившіе постоянныя сообщенія нашей арміи съ ея тыломъ въ Бессарабіи и далѣе.

Войска гвардіи, по мѣрѣ прибытія въ Сатуново, переходили по плотинѣ и мосту черезъ Дунай и собирались въ общій лагерь на

[1]) См. „Русскую Старину“ изд. 1880 г. томъ XXIX (ноябрь), стр. 599—616; (декабрь), стр. 883—890. Изд. 1881 г. томъ XXX (январь), стр. 27—42; (мартъ) стр. 519—526; (апрѣль), стр. 839—850.

правой сторонѣ Дуная противъ переправы. Штабъ же ихъ, доѣхавъ до Сатунова на почтовыхъ лошадяхъ, расположился, какъ могъ, въ этомъ селеніи и оставался въ немъ пока всѣ войска гвардіи не перешли черезъ Дунай. Въ продолженіи этого времени, всѣ чины штаба перешли съ мирнаго положенія на военное, устроили свои походные вьюки и обозы, и пересѣвъ на коней, подъ конвоемъ одного эскадрона л.-гв. казачьяго полка, переѣхали по плотинѣ и мосту черезъ Дунай.

И вотъ, оставивъ Россію за собою, мы переѣхали черезъ Дунай и ступили на землю враждебной намъ Турціи или, собственно говоря, подвластной ей и угнетенной ею Болгаріи, и расположились въ лагерѣ войскъ гвардіи противъ переправы. Отсюда, около 10 августа, они двинулись, уже въ военно-походномъ порядкѣ, бригадными эшелонами, младшіе впереди, къ кр. Исакчи и отъ нея черезъ Бабадагъ, берегомъ Чернаго моря чрезъ Кюстендже, Мангалію и Каварну, и далѣе черезъ Теке-кёй къ Варнѣ. Впереди, въ видѣ авангарда, шли: 4-я гвардейская пѣхотная бригада (л.-гв. егерскій и финляндскій полки), л.-гв. саперный баталіонъ, л.-г. конноніонерный эскадронъ и л.-г. казачій полкъ, съ своею артиллеріей, подъ общимъ начальствомъ командира 4-й бригады, генералъ-адъютанта Головина. За этимъ 1-мъ эшелономъ слѣдовалъ командовавшій гвардіей генералъ-адъютантъ Депрерадовичъ, съ свитой и штабомъ, а за ними—прочіе бригадные эшелоны, въ одномъ переходѣ одинъ за другимъ.

Первый переходъ нашъ былъ до кр. Исакчи, и близъ нея былъ первый военнопоходный ночлегъ нашъ на бивакахъ, со всѣми военными предосторожностями по уставу, хотя въ нихъ собственно и не было особенной надобности, такъ какъ весь край впереди до Варны уже былъ въ нашей власти и мы шли въ 3-й линіи. Но были другія предосторожности, не только не лишнія, но и необходимыя, а именно—противъ извѣстной «Молдавской лихорадки», которую такъ легко схватить въ этомъ краю въ сырыя и холодныя ночи послѣ дневнаго зноя, и противъ «змѣй и ящерицъ», обильно водящихся въ этихъ мѣстахъ. Наслышавшись и про лихорадку, и про змѣй и ящерицъ, мы съ перваго же ночлега приняли всѣ нужныя противъ нихъ предосторожности, которыя соблюдали и въ дальнѣйшемъ походѣ. Для меня, совершавшаго мой первый военный походъ за границей, были «новы всѣ эти впечатлѣнья бытія» и не лишены, на первыхъ порахъ, своего рода интереса. Но потомъ, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе свыкался я, и наконецъ совершенно освоился съ ними.

Второй переходъ нашъ былъ до города Бабадага. Мы шли по

пресловутой «Добруджѣ», болѣе обильной болотами и озерами, чѣмъ лѣсами и горами, а если и встрѣчались холмы, то совершенно обнаженные отъ всякой растительности. Поэтому и видъ былъ однообразный и унылый, и за отсутствіемъ тѣни, солнце пекло безъ жалости, да къ тому же, по всему этому главному пути сообщенія арміи валялись зловонные трупы павшихъ лошадей и воловъ изъ подъ военныхъ транспортовъ. Но съ приближеніемъ къ Бабадагу мѣстность становилась все гористѣе и лѣсистѣе, и наконецъ къ самому Бабадагу, лежавшему въ глубокой горной котловинѣ, мы спустились съ высокихъ горъ и расположились лагеремъ въ разстояніи около версты отъ города. Сюда прибылъ великій князь Михаилъ Павловичъ, послѣ взятія осаднымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ его начальствомъ, кр. Браилова, и расположился съ своей свитой въ одномъ лагерѣ съ штабомъ гвардіи. Днемъ съ ранняго утра солнце нестерпимо пекло насъ, а тотчасъ по захожденіи его наступали тьма и сильные: роса, сырость и холодъ, такъ что днемъ нужно было одѣваться какъ можно легче, а ввечеру и ночью, напротивъ, какъ можно теплѣе, чтобы не схватить злой Молдавской лихорадки. Впрочемъ днемъ мы занимались письменными работами подъ тѣнью палатокъ, а по вечерамъ собирались въ одной изъ нихъ, въ кружкѣ штабныхъ товарищей, которые всѣ были очень милые и любезные люди. Въ числѣ ихъ, кромѣ меня и толстаго крикуна Траскина, были старшіе адъютанты штаба: Василій Петровичъ Барышниковъ, Вильгельмъ Ивановичъ Карлгофъ—восторженный поэтъ и хорошій стихотворецъ, Николай Димитріевичъ Прокоповичъ-Антонскій—племянникъ и однофамилецъ бывшаго ректора Московскаго университета и самъ бывшій студентъ послѣдняго, и л.-г. жандармскаго эскадрона поручикъ Загряжскій, веселый повѣса изъ пажей. Другими чинами нашего штаба были: дежурный штабъ-офицеръ, л.-г. финляндскаго полка полковникъ Яковъ Ивановичъ Звенигородскій—военно-канцелярскій ветеранъ, два почтенные старичка: оберъ-кригсъ-комиссаръ и казначей Быковъ и оберъ-аудиторъ Тихоцкій. Корпуснымъ штабъ-докторомъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Бутковъ, премилый и преоригинальный старичокъ, котораго всѣ мы очень любили. Изъ этого видно, что весь личный составъ нашего штаба былъ русскій, кромѣ Карлгофа, но и тотъ былъ нѣмецъ только по фамиліи. При нашемъ штабѣ состоялъ также гвардіи поручикъ Шервудъ, подъ оффиціальнымъ прозваніемъ «Вѣрный», тотъ самый, который въ 1825 г., бывши вольноопредѣляющимся унтеръ-офицеромъ южнопоселенскаго Новомиргородскаго уланскаго полка, первый донесъ о государственныхъ: заговорѣ и за-

говорщикахъ «Южнаго общества» во 2-й арміи [1]), но онъ не принадлежалъ къ нашему кружку и мы его чуждались. Наши вечернія бесѣды всегда были очень веселыя и шумныя, не смотря на то, что происходили въ близкомъ сосѣдствѣ съ палатками великаго князя, свиты его, Депрерадовича, и Нейдгардта. Но одному изъ насъ, оберъ-офицеровъ, по очереди приходилось каждый вечеръ, по захожденіи солнца, отправляться съ конвойными лейбъ-казаками, на всю ночь до разсвѣта, въ разъѣздъ по горамъ вокругъ лагеря. Эту мѣру охраны особы великаго князя и лагеря установилъ Нейдгардтъ, изъ напраснаго усердія, такъ какъ мы находились въ 3-й линіи, въ пустомъ краю, гдѣ бродили лишь стаи голодныхъ туземныхъ собакъ, въ родѣ борзыхъ, враговъ же въ образѣ человѣческомъ никакихъ не было и не могло быть. Изъ разъѣздовъ мы были обязаны являться къ Нейдгардту, будить его и постоянно докладывать одно и то же: «что все обстоитъ благополучно».—Въ темнотѣ ѣздить по горамъ, да еще когда сонъ клонилъ и насъ, и лошадей, не совсѣмъ-то было весело, но за то ранній разсвѣтъ и восхожденіе солнца вполнѣ вознаграждали насъ, тѣмъ болѣе, что, совершивъ разъѣздъ, можно было выспаться въ палаткѣ.

Великій князь вскорѣ отправился съ своей свитой подъ Варну, и по отъѣздѣ его, наша веселая компанія однажды вечеромъ, часа за два до захожденія солнца, затѣяла прогулку верхомъ на лошадяхъ, къ озеру или скорѣе морскому заливу Разельмъ, въ нѣсколькихъ верстахъ къ В. отъ нашего лагеря. Дорога туда шла среди густаго лѣса, опушки котораго находились въ нѣкоторомъ разстояніи по обѣимъ сторонамъ. Въ нашей компаніи участвовали также два почтенные старичка Тихоцкій и Быковъ, а также и Шервудъ. Загряжскій и мы съ нимъ, ѣхавшіе впереди, вздумали въ шутку устроить имъ засаду въ лѣсу. Непримѣтно для нихъ, при поворотѣ дороги направо, мы въѣхали въ лѣсъ и, по приближеніи ихъ, выстрѣлили изъ 2 или 3 пистолетовъ и съ общимъ, громкимъ крикомъ «Аллахъ» бросились изъ лѣсу на дорогу. Это такъ перепугало Тихоцкаго, Быкова и Шервуда, что они во всю прыть обратились въ бѣгство, и всѣхъ прытче скакалъ въ головѣ ихъ Шервудъ! Громкій хохотъ нашъ воротилъ ихъ назадъ и Шервудъ увѣрялъ, будто лошадь его испугалась и понесла назадъ въ лагерь! Посмѣявшись этой тревогѣ, мы поѣхали далѣе, и насладившись живописнымъ зрѣлищемъ обширнаго озера Разельмъ, обрамленнаго

[1]) Подробности о немъ изложены въ „Исторіи царствованія императора Александра I“, соч. М. И. Богдановича, т. VI, гл. LXXXI, стр. 496 и слѣд.

лѣсистыми горами съ великолѣпною растительностью, воротились въ лагерь, очень довольные своею прогулкой.

Въ Бабадагѣ былъ устроенъ военный госпиталь, и однажды Нейдгардтъ поѣхалъ осматривать его, а я, бывши дежурнымъ при немъ, сопровождалъ его. На дворѣ госпиталя онъ приказалъ мнѣ написать подъ свою диктовку приказаніе состоявшему при штабѣ и находившемуся въ лагерѣ лекарю Клоссе (впослѣдствіи бывшему старшимъ врачомъ л.-г. Преображенскаго полка) немедленно прибыть въ госпиталь и исполнить какое-то порученіе. Приказаніе это я написалъ, слѣзши съ лошади, на спинѣ спѣшеннаго казака, карандашомъ на пергаментномъ листкѣ походной записной книжки, Нейдгардтъ подписалъ приказаніе и казакъ повезъ его въ лагерь. Нужно сказать, что передъ отправленіемъ нашимъ изъ Петербурга въ походъ, Нейдгардтъ приказалъ всѣмъ офицерамъ штаба обзавестись памятными книжками утвержденнаго имъ образца, съ вложенными въ нихъ отдѣльными пергаментными листками и карандашомъ въ каждой, для записки и разсылки приказаній. Это было не дурно, но было бы еще лучше, еслибъ Нейдгардтъ, столь опытный боевой генералъ, завелъ вмѣсто того кожаныя, плоскія сумки для ношенія на груди, съ небольшимъ планшетомъ, натянутой на немъ бумагой и всѣми необходимыми принадлежностями для черченія и письма. Впослѣдствіи я удивлялся, какъ ему не пришла на умъ такая необходимая и полезная для штабныхъ офицеровъ въ военномъ походѣ вещь.

Изъ Бабадага штабъ нашъ, сопровождая Депрерадовича, командовавшаго войсками въ отсутствіи великаго князя, отправился переходами далѣе къ Кюстендже, Мангаліи и Каварнѣ, которые всѣ три находились уже на берегу Чернаго моря и служили, особенно Кюстендже, пристанями для нашихъ военныхъ и перевозныхъ и для торговыхъ судовъ. По приближеніи къ Кюстендже, по возвышенному и лѣсистому приморскому берегу, намъ впервые открылся великолѣпный видъ на историческій «Понтъ Эвксинскій», въ необъятномъ пространствѣ котораго отражались въ полномъ блескѣ яркое солнце и лазурное небо юга! Картина была восхитительная и мы съ восторгомъ привѣтствовали ее. Гавань въ Кюстендже была полна всякаго рода судовъ, а на берегу были цѣлыя массы складовъ военныхъ запасовъ и шалашей со всякаго рода продажными товарами, преимущественно съѣстными и питейными, словомъ — сущая ярмарка! Мы обзавелись тутъ нужными въ походѣ припасами и вещами, и уже до самой Каварны слѣдовали все вдоль берега Чернаго моря, любуясь его красой.

Въ Каварнѣ также было множество судовъ и складовъ военныхъ

запасовъ, а близь города въ полѣ находился интендантскій воловій паркъ, состоявшій подъ начальствомъ генералъ-маіора Башилова (того самаго, о которомъ въ ноябрской книжкѣ «Русской Старины» 1880 г. я помѣстилъ разсказъ, какъ онъ, вмѣстѣ съ И. Ѳ. Паскевичемъ, впослѣдствіи графомъ, княземъ и фельдмаршаломъ, въ день коронаціи императора Павла I, былъ произведенъ имъ изъ камеръ-пажей въ прапорщики л.-гв. Преображенскаго полка и пожалованъ во флигель-адъютанты). Онъ былъ москвичъ, короткій знакомый моихъ родителей и нашего семейства, весельчакъ, острякъ и большой забавникъ и шутникъ. Великій князь Михаилъ Павловичъ зналъ его и немало потѣшался забавными шутками его: между прочимъ и въ Каварнѣ, при отъѣздѣ его оттуда подъ Варну, Башиловъ на прощаніе сказалъ ему: «Ваше высочество, возьмите Варну! Если возьмете ее, пріѣду поздравить васъ верхомъ на волѣ!» Однако ему не удалось исполнить этого: воловья команда его порядочно передохла отъ трудовъ и голода.

Въ Каварнѣ Нейдгардтъ заболѣлъ лихорадкой и остался тутъ для леченія; должность же его была возложена на начальника артиллеріи, генералъ-адъютанта Сухозанета, прибывшаго изъ Браилова.

Отъ Каварны мы продолжали слѣдовать вдоль берега моря до Бальчика, но на слѣдующемъ переходѣ уже свернули на «путь правый», т. е. пошли на право, черезъ горныя ущелья, въ глубокую котловину, на днѣ которой лежала деревенька Теке-кёй (кёй—по Турецки деревня). Спускъ въ эту котловину и подъемъ изъ нея были до того круты и неудобны для колесныхъ обозовъ, что немало усилій, труда и времени стоило войскамъ спускать и поднимать ихъ. Предвидя это (хотя и недовольно рано), меня послали осмотрѣть береговую дорогу, но я нашелъ ее, хотя и чрезвычайно живописною, но совершенно неудобною для движенія войскъ и особенно колесныхъ обозовъ.

Изъ трущобы Теке-кёй, сущей «волчьей долины» Фрейшюца, мы уже слѣдовали по нагорнымъ высотамъ, въ виду моря, и наконецъ, въ понедѣльникъ 27 августа (5 мѣсяцовъ спустя послѣ выступленія гвардіи изъ Петербурга) прибыли подъ Варну и расположились лагеремъ на сѣверной сторонѣ ея. Въ одно время съ нами прибылъ туда же и передовой эшелонъ гвардіи (4-я пѣхотная бригада, саперы, коннопіонеры и казаки, съ артиллеріей). Только что мы стали располагаться лагеремъ, какъ услыхали впереди громкое и продолжительное «ура»! войскъ передоваго эшелона, которыя объѣзжалъ Государь. Остальные три эшелона приходили черезъ сутки одинъ послѣ другаго, такъ что къ 1-му сентября вся гвардія уже собра-

лась въ лагерѣ на сѣверной сторонѣ Варны. По прибытіи головнаго эшелона, саперы были тотчасъ двинуты внизъ въ осадныя траншеи для производства работъ, а 30-го августа л.-гв. егерскій и финляндскій полки, 4 баталіона армейской пѣхоты, 2-й бугскій уланскій полкъ, 2 эскадрона сѣверскаго конно-егерскаго полка, 1 рота саперовъ, казаки и 14 орудій, въ составѣ общаго отряда подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Головина, были двинуты внизъ, въ обходъ лимана Дѣвно, на южную сторону Варны, на сообщенія ея съ Константинополемъ, откуда, какъ было слышно, шелъ вспомогательный Варнѣ корпусъ турецкихъ войскъ подъ начальствомъ паши Омеръ-Вріоне.

Устроившись въ нашемъ лагерѣ, мы пошли взглянуть на Варну съ края сѣверной горы—и что за чудная картина представилась нашимъ взорамъ. Прямо передъ нами, глубоко внизу въ долинѣ, лежала крѣпость Варна, омываемая съ юга длиннымъ и узкимъ заливомъ Дѣвно, а съ востока примыкавшая къ морю, на которомъ былъ расположенъ нашъ Черноморскій флотъ, линія очередныхъ судовъ котораго обстрѣливала крѣпость;—далѣе же простиралось безбрежное море. У подошвы сѣверныхъ высотъ, на берегу моря, находились пристань и склады военныхъ запасовъ, а противъ пристани, на морѣ, 100-пушечный корабль «Парижъ», на которомъ имѣли пребываніе Государь, его свита и главный штабъ. Крутые скаты сѣверныхъ высотъ были покрыты виноградниками, между которыми извивались дороги сверху внизъ къ пристани и къ нашимъ траншеямъ и редутамъ. Къ западу отъ крѣпости заливъ Дѣвно, постепенно съуживаясь, простирался на нѣсколько верстъ. Наконецъ, къ югу отъ Варны были видны возвышавшіяся уступами горы, почти совершенно обнаженныя, за исключеніемъ рѣдкихъ кустарниковъ и небольшихъ рощъ, между которыми видны были дороги, ведшія въ Варну съ юга. Вотъ та чудная панорама Варны и окружавшей ее мѣстности, представившаяся намъ и которою мы любовались и въ этотъ первый разъ, и въ каждый послѣдующій день, какъ бы съ высокаго балкона и съ птичьяго полета! На самомъ краю сѣверныхъ высотъ, прямо противъ крѣпости, былъ разбитъ лагерь императорской главной квартиры и впереди его императорская ставка, и близъ нея—другая, зеленая, придворной походной церкви. Во 2-й линіи, поодаль, находился лагерь великаго князя Михаила Павловича и гвардейскаго штаба, а за нимъ, въ 3-й линіи, лагери 1-й, 2-й и 3-й гвардейскихъ пѣхотныхъ бригадъ и легкой гвардейской кавалерійской дивизіи, съ ихъ обозами позади. Впрочемъ изъ нихъ 2-я и 3-я бригады и легкая кавалерія вскорѣ были двинуты, первыя—внизъ въ редуты позади

траншей, а послѣдняя на южную сторону Варны. Правѣе гвардейскаго лагеря, въ 1 или 2 верстахъ на сѣверныхъ высотахъ, въ покинутой деревнѣ Франки («франками» по турецки называются европейцы, но почему деревня эта носила такое названіе—не знаю) былъ учрежденъ военный госпиталь для больныхъ и раненыхъ.

Какъ только штабъ нашъ расположился лагеремъ, въ немъ тотчасъ же начались обычныя штабныя занятія, при чемъ, переходя изъ палатки въ палатку и даже сидя въ своихъ палаткахъ съ опущенными, отъ жары, полами ихъ, мы всегда имѣли передъ глазами изображенную выше панораму Варны и ея окрестностей. За болѣзнію Нейдгардта должность его исправлялъ, какъ сказано выше, генералъ-адъютантъ Сухозанетъ, а оберъ-квартирмейстеръ нашъ, флигель-адъютантъ полковникъ князь Андрей Михайловичъ Голицынъ I-й прибылъ къ своему мѣсту только подъ Варну.

30-го августа въ четвергъ, въ день св. Александра Невскаго, въ придворной походной церкви, въ лагерѣ императорской главной квартиры, въ присутствіи государя, великаго князя и чиновъ главной квартиры, была совершена Божественная литургія, съ пѣніемъ 4-хъ лучшихъ голосовъ придворныхъ пѣвчихъ (теноровъ: Иванова и Евсеева, басовъ: Макушина и NN). Я не присутствовалъ при этомъ, но явственно слышалъ чудное пѣніе этихъ пѣвчихъ и не могу выразить, какое необыкновенное впечатлѣніе оно производило среди всей обстановки военнаго лагеря, въ виду осажденной Варны и при выстрѣлахъ противъ крѣпости и изъ нея! Такіе случаи рѣдко встрѣчаются въ жизни!

Но недолго пришлось мнѣ оставаться подъ Варной: въ слѣдующее воскресеніе 2-го сентября, послѣ того, что утромъ въ придворной походной церкви снова была обѣдня съ пѣвчими, пополудни, часа за 2 до захожденія въ 6 ч солнца, турецкій гарнизонъ Варны произвелъ сильную вылазку, которая имѣла для меня важныя послѣдствія. По общей тревогѣ, 2-й гвардейской пѣхотной бригадѣ (л.-гв. семеновскому и л.-гв. гренадерскому полкамъ) приказано было немедленно идти внизъ на подкрѣпленіе резервовъ. Штабъ нашъ долженъ былъ слѣдовать туда же, и я, въ торопяхъ, вскочивъ на своего донца, велѣлъ подать себѣ изъ палатки плащъ, но человѣкъ мой, какъ нарочно, никакъ не могъ отыскать его, и я въ нетерпѣніи, не дождавшись его, поскакалъ внизъ въ одномъ сюртукѣ—крайняя неосторожность, которая обошлась мнѣ очень дорого. Спустившись внизъ, мы остановились у одного редута въ задней линіи, въ которомъ былъ расположенъ 1-й баталіонъ л.-гв. измайловскаго полка. Вскорѣ вылазка была отбита, но гвардейскіе полки, сошед-

шіе внизъ, были оставлены тамъ на ночь, а съ ними остался и нашъ штабъ. Въ 6 часовъ солнце сѣло и наступили: тьма, сырость и холодъ—и я, въ одномъ сюртукѣ, провелъ вечеръ и ночь въ редутѣ, гдѣ стоялъ 1-й баталіонъ л.-гв. Измайловскаго полка, въ обществѣ знакомыхъ мнѣ офицеровъ его. Они угостили меня нѣсколькими стаканами горячаго чая, что произвело у меня сильную испарину, а я, по легкомыслію, не догадался ни попросить себѣ верхней одежды, ни послать на верхъ за моимъ плащомъ! На другой день, по возвращеніи въ лагерь, я почувствовалъ, что сильно простудился: не смотря на леченіе, мнѣ съ каждымъ днемъ становилось все хуже — и окончательно у меня обнаружилась сильнѣйшая нервическая горячка. Жизнь моя была въ опасности, и я, сознавая это и страшась умереть въ чужой, да еще турецкой, сторонѣ, и сложить свои кости подъ Варной не въ бою, а отъ болѣзни, умолялъ двухъ братьевъ моихъ, товарищей и Нейдгардта (воротившагося послѣ болѣзни изъ Каварны), отправить меня моремъ въ Одессу. На бѣду мою, въ это самое время, въ лагерѣ подъ Варной произошелъ большой переполохъ: 10-го сентября, на южной сторонѣ Варны, подъ Хаджи-Хассанъ-Ларомъ, л.-гв. егерскій полкъ былъ почти на половину истребленъ превосходными силами передовыхъ турецкихъ войскъ вспомогательнаго Варнѣ корпуса паши Омеръ-Вріоне. Генералъ-адъютантъ Сухозанетъ и при немъ адъютантъ его, старшій братъ мой Сергій, съ другими генералами и подкрѣпленіями, были немедленно посланы на южную сторону. Но братъ мой Сергій, передъ отправленіемъ своимъ туда, поручилъ меня попеченію втораго брата моего, Александра, стоявшаго съ своей батареей л.-гв. конной артиллеріи на сѣверной сторонѣ, и снабдилъ меня всѣмъ необходимымъ для перевезенія меня на пристань и оттуда моремъ на купеческомъ кораблѣ въ Одессу. 15-го сентября я получилъ отпускъ въ Одессу для излеченія болѣзни и въ состояніи крайней слабости былъ перевезенъ на пристань, а съ нея на австрійскій купеческій бригантинъ, на которомъ и отправился въ Одессу. По прибытіи туда, я былъ нѣсколько дней въ опасности смерти, но, по милости Божіей, вышелъ изъ нея, и къ половинѣ октября выздоровѣлъ.

Однажды, въ концѣ октября, пріѣдя въ газетную комнату казино, я увидалъ газеты въ траурныхъ рамкахъ и узналъ, что 24 октября скончалась императрица Марія Ѳеодоровна! Это очень огорчило меня, такъ какъ въ моихъ пансіонскихъ воспоминаніяхъ живо хранилась память объ усопшей императрицѣ въ ея лѣтнемъ пребываніи Павловскѣ, куда мы часто ходили лѣтомъ въ праздничные дни, и видали императрицу на ея прогулкахъ по Павловску, и въ театрѣ.

и на танцовальныхъ вечерахъ во дворцѣ, которые мы, съ публикой, смотрѣли снаружи въ окна. По поводу вѣсти о смерти императрицы мнѣ пришелъ на память слышанный мною передъ тѣмъ въ Одессѣ разсказъ о страшной бурѣ во время плаванія императора Николая Павловича отъ Варны, по взятіи ея, въ Одессу, на 100-пушечномъ кораблѣ «императрица Марія». Буря была такая жестокая, что корабль и находившійся на немъ государь, со всею своею свитой, были въ крайней опасности, тѣмъ болѣе, что вѣтромъ и теченіемъ корабль несло къ югу, къ берегамъ Анатоліи! Государь на палубѣ иногда давалъ совѣты касательно управленія кораблемъ, но начальствовавшій имъ капитанъ 1-го ранга Папахристо, небольшой ростомъ, но отважный морякъ-грекъ, смѣло сказалъ Государю: «что, по морскому уставу, единственнымъ и полнымъ хозяиномъ на кораблѣ— капитанъ его, отвѣтственный какъ за цѣлость корабля, такъ и за жизнь всѣхъ находящихся на немъ, а въ этомъ случаѣ особенно— за жизнь самаго государя, и потому просить довѣриться ему, капитану, и ему одному предоставить управленіе кораблемъ». Государь сознался справедливость этого и уже не вмѣшивался болѣе въ управленіе кораблемъ; капитанъ же велѣлъ привязать себя къ большой мачтѣ и съ рупоромъ въ рукахъ отдавалъ командѣ нужныя приказанія. Богъ спасъ государя и свиту его, и корабль съ его экипажемъ, и благополучно привелъ ихъ въ Одессу, но не безъ большихъ аварій въ кораблѣ. Въ числѣ послѣднихъ была одна очень замѣчательная: на носу, подъ бугшпритомъ, по обыкновенію, по имени корабля была рѣзная фигура царственной жены, въ порфирѣ и съ золотымъ вѣнцомъ на головѣ. И что же? Когда корабль «императрица Марія» вошелъ въ Одесскій портъ, всѣмъ бросилось въ глаза, что у носовой фигуры лицо было обезображено и вѣнца на головѣ не было! А черезъ 2 или 3 недѣли послѣ того въ Одессѣ было получено печальное извѣстіе о смерти императрицы Маріи Ѳеодоровны! Странный, но достовѣрный случай, слышанный мною тогда въ Одессѣ.

Долго ожидая присылки мнѣ изъ Петербурга денегъ, я прожилъ въ Одессѣ, до половины января 1829 г. и только тогда, получивъ ихъ, отправился въ м. Тульчинъ, Подольской губерніи, гдѣ находилась корпусная квартира гвардіи, расположенной въ этой губерніи на зимнихъ квартирахъ.

Князь Н. С. Голицынъ.